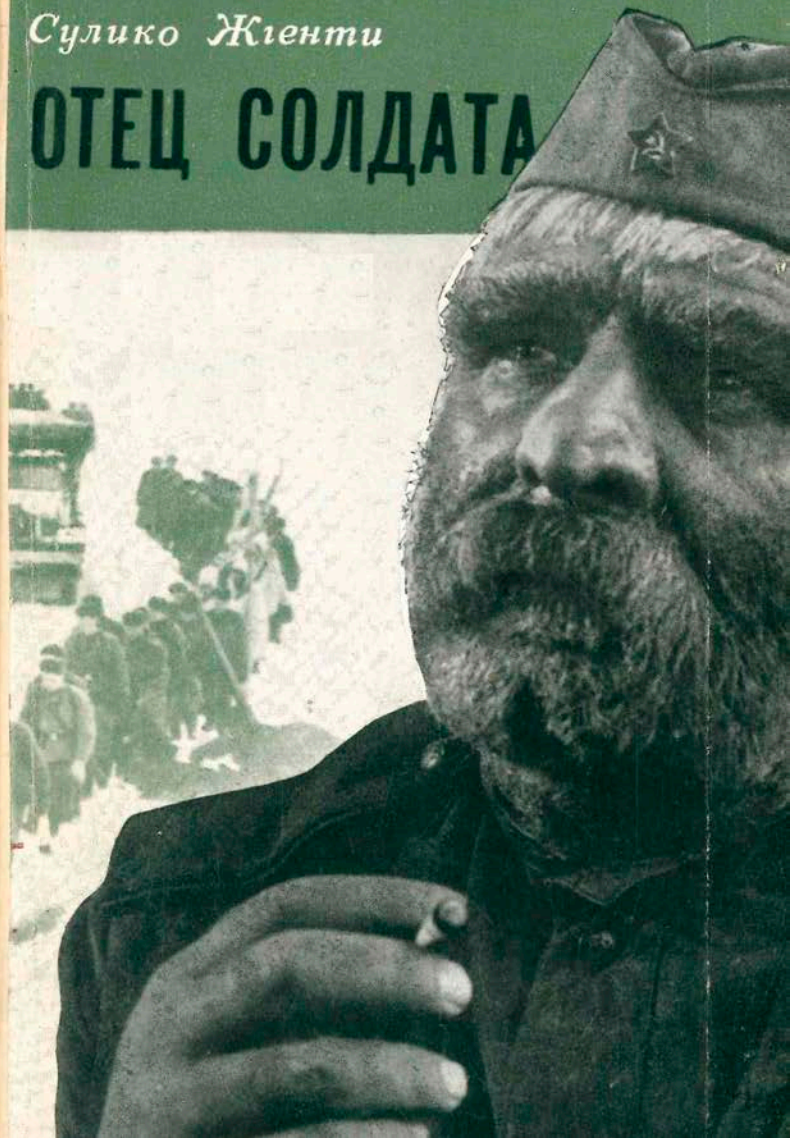

Сулико Жиенти

ОТЕЦ СОЛДАТА

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Сулико Жгенти

ОТЕЦ СОЛДАТА

Киносценарий

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО» МОСКВА, 1965

Сквозь туманную дымку рассвета проступают громады Кахетинских гор, утопающая в зелени виноградников Алазанская долина, фиолетовые холмы Сингнахи и Цинандали...

Ничто не нарушает предрассветную тишину... Деревня еще спит... И только кто-то один поет старинную песню виноградарей и воинов. Она плывет над горами и полями, над серыми каменными домами...

Приветствуя рассвет, в деревне запел первый петух... Постепенно тает утренняя дымка...

Удаляясь, все глуше и глуше звучит песня... И, наконец, замирает вдали...

Лишь в одном доме светятся окна. Очевидно, здесь не спали всю ночь и теперь забыли погасить свет... Из дома выходит пожилой крестьянин. Это Георгий Махарашвили. Через плечо у него перекинут хурджин. Всю жизнь дни и ночи проводил он на ниве, работал на виноградниках. К дальним дорогам, к путешествиям не привык, оттого так вадумчив и растерян сейчас.

Его провожает Тамара. Шагает Георгий вразвалку, словно идет за плугом по распаханной земле. Костюм будто с чужого плеча. Видно, как непривычно и неловко чувствует он себя в нем: то дергает рубашку, то поправляет штаны.

Вот в деревне запели петухи... Где-то лает собака...

Проходя мимо виноградника и заметив упавшую подпорку, Георгий поправляет ее. Его внимание привлекает вторая лоза. Георгий нагибается и убирает от корней землю, отламывает высохшую ветку. Его движения кажутся ленивыми, грубоватыми, а сильные и жилистые руки, обгоревшие от солнца, работают легко и проворно.

— Приедешь на место, не слоняйся без толку, — поучает Тамара. — Спроси, где госпиталь номер такой-то... у первого встречного спроси, не стесняйся. Пойми, наконец, что спрашивать не стыдно.

Георгий со стоном выпрямляет спину. Оглядывает виноградник.

— Опоздаешь, Георгий, — тянет его за рукав Тамара.

Поправив хурджин, Георгий идет к калитке.

— Ну, будь здоров, — идя рядом, бубнит жена, — в дороге никому не доверяйся... Не промокни, не простудись.

Георгий открывает калитку и вместе с Тамарой выходит со двора. В руке у него бумажка. Глядя в нее, он бормочет, словно заучивая: — Дубово... Госпиталь номер тысяча двести двадцать четыре...

Неторопливо шагают они по деревенской улочке. Увидя их, выходят соседи, ободряюще хлопают Георгия по плечу и идут рядом с ним.

— Смотри, Георгий, будь молодцом!..

— Помни — в дороге надо иметь сто глаз и сто ушей!..

— Шутка ли, впервые едешь так далеко!..

— Да ничего, все хорошо будет!

Односельчан собирается все больше. Подбегают старики с мотыгами и лопатами на плечах. Они шли на работу, но, увидя Георгия, считают своим долгом сказать ему что-нибудь на прощанье, как-то ободрить его. Поднялся такой гомон, что Георгий уже не может ничего понять.

— Привет сыну передавай, Георгий, — кричит с балкона старушка.

— Приезжай вместе с Годердзи, Георгий, — поручает другая.

У деревенского родника стоит потрепанная «полуторка». Несколько пожилых крестьян укладывают в кузов пустые бочки. Георгий направляется к машине. Задумавшись, он рассеяно здороваются.

— Сюда иди, дядя Георгий. В кабину! — зовет его шофер.

— Да разве такой богатырь поместится в этой мышеловке? — Смеется кто-то.

Обеими руками Георгий хватается за борт кузова. Тот скрипит, потом раздается треск.

— Не ломай, слышишь! — испуганно кричит шофер, который изо всей силы крутит ручку, стараясь завести машину.

Руками и плечами односельчане помогают Георгию забраться в машину, а когда он наконец благополучно оказывается в кузове, они окружают машину, дают советы, забрасывают — в который раз! — вопросами.

— Значит, едешь?..

— Дорога дальняя, держись молодцом!

— Георгий, может, где моего Миха встретишь, — умоляюще говорит пожилой Иракий, — может, случайно увидишь, а?!

Благообразный старик с палкой в руке, Шио, спокойно говорит:

— Ты там встретишь тыщу разных людей. Так поспрошай их... Уж год как идет война... Докуда же они думают пускать этих... немцев, или германцев... что ж, назад-то гнать не собираются, что ли? Столько-то русских слов ты знаешь, чтобы толком расспросить обо всем.

— Дядя Георгий, в той стороне фронт близко... будь осторожен, — предупреждает Георгий Махаре, солдат, вернувшийся домой после ранения. — Ну а если начнется бомбежка, тут же беги в подвал. А то яма, может будет рядом... Лежи и головы не поднимай.

— Ты говоришь — бомбежка?! — недовольно скривился Георгий.

— Да ты с ума спятил, парень! — набросилась Тамара на Махаре. — Откуда быть бомбам там, куда едет Георгий?! — Тамара поднимается на ступеньку и внушительно говорит Георгию: — Ты лучше постарайся что-нибудь устроить, чтобы Годердзи ненадолго отпустили домой... Умоли врачей... Один раз мальчик был ранен, теперь второй... не хватит разве?!

Георгий сидит, сжав губы. Еще раз перечитывает бумажку. Шепотом повторяет адрес сына.

— Ты что делаешь?.. Молишься? — удивляется Шио.

— Ну и что, — застывает за Георгия старая Кетеван, — если велит сердце и пусть молится... Молись, Георгий... Молись, сынок...

Растрепанный, вспотевший шофер еще раз повернул ручку, но машина и на сей раз не завелась.

— Да скажи же что-нибудь, — тянет Георгия за рукав Тамара, заглядывая ему в глаза. — Хоть перед отъездом-то открой рот!

— А о чем говорить-то?.. — сердито бросает Георгий. — Вот... еду... ну и все!

— Мотор не заводится! — кричит из кабины шофер. — Давайте, подтолкните!

Старики дружно наваливаются на машину и катят ее по дороге. Мотор зачихал, запыхтел... Машина вдруг задрожала, послышались хлопki, и все вокруг окуталось дымом... Тамара бежала рядом с машиной и с отчаянием в голосе кричала мужу:

— Смотри, Георгий, без Годердзи не возвращайся... Сделай, как я сказала...

Быстрая смена кадров:

Вот Георгий шагает под дождем...

Вот он сидит на ступеньке набитого людьми вагона...

Серое, холодное небо... четко выделяются голые каркасы разрушенных бомбежкой зданий... Закопченные дымом стены.

Георгий стоит на привокзальной площади и пристально разглядывает развалины. Это первые разрушения, которые он видит, его первая встреча с войной...

Вокруг суетятся только-что сошедшие с поезда люди... С песней проходит строй солдат.

— Эгей, дед! — окликает его с телеги курносый улыбающийся парень. — Тебе куда?

Очнувшись от тягостных размышлений, Георгий заспешил к телеге.

— Мне в Дубово... Возьмешь?

— В Дубово? — Возница с интересом оглядывает его. — Это можно, давай, садись!

На телеге уже устроились две женщины, закутанные в платки. Третья, помоложе, с маленькой девочкой на руках, только еще усаживается. Мальчик лет двенадцати, очевидно в отцовской телогрейке и сапогах, возится с мешком, пытаясь уложить его.

— Постой, Вася, — беспокоится женщина, видимо, его мать. — Надорвешься! Сейчас помогу.

Но мальчик уже взвалил мешок на телегу. Отряхивая ладони и слегка задыхаясь, он солидно, наверное подражая отцу, ворчит:

— Ладно!.. Не бабье это дело — мешки тащить...

Георгий взваливает свой хурджин, а потом и сам неуклюже, чуть не перевернув телегу, забирается в нее.

Женщины недовольно покосились на него.

Возница оценивающе осматривает старика, его хурджин и весело заявляет:

— Значит, так: один билет до Дубово, а за багаж будем считать отдельно. Лошадь не па-

роход, ей любая поклажка в тягость... Догово-
рились?

— Ладно-ладно... Не обижу, — отвечает Георгий.

— Ну?.. Все уселись? — спрашивает возница и командует: — Отдай концы!.. Поднять якорь!.. Но-но, рыжая!..

Лошадь идет мелкой рысью. Курносый возница снова оборачивается к Георгию:

— Богато живешь, старик, — кивает он на хурджин. — Что у тебя там, в ковре-то? Картошка?

Георгий молча посмотрел на возницу и отвернулся. Он поглощен своими думами. Ему некогда обижаться.

— У нас нынче хорошая картошка уродилась, — вздыхает мальчик. — Да огород весь бомбой разнесло. Пришлось по картофелине собирать...

Сидит он совсем по-взрослому — широко расставив ноги в огромных сапогах и сложив руки на коленях.

— Подвинься-ка, ишь расселся, — ворчит на Георгия одна из женщин.

— Ну что ты к человеку привязываешься? — солидно замечает мальчик. — Пересядь вон туда, и всем места хватит!

— Так их, Василь Дмитрич! — весело подмигивает возница. — Бабам спуску давать нельзя!..

— Ты бы, Вася, вздремнул маленько, — заботливо говорит мать.

— Пожалуй... Что-то я нынче притомился, — соглашается мальчик.

Протяжно зевнув, он маленькими кулачками трет глаза и вдруг сразу как-то размякает. Так бывает с детьми, когда они целый день набегавшись и наигравшись со сверстниками, вечером, придя домой, еле добираются до постели. Сейчас он старается улечься между Георгием и матерью. Вся напускная солидность слетела с него. Теперь это обычный ребенок — худенький, не очень сильный мальчик. По-детски подложив ладонь под щеку, он сонно лепечет:

— Мамочка, хочу спать... Очень хочу...

— Пройдусь немного, — говорит Георгий и слезает с телеги.

— В чем дело? — спрашивает возница.

— Ничего-ничего, — шагая рядом с телегой, машет рукой Георгий.

— Здорово шагаешь! — глядя на старика, замечает возница. — А почему ты не в армии, а?

— Только меня и не хватает в армии! — бормочет Георгий и, посмотрев на широкую, обтянутую морской тельняшкой грудь возницы, добавляет: — Это ты должен воевать... Молодой!

Поскрипывая, телега катится по пыльной дороге...

— Закурить не найдется? — спрашивает возница.

Попарив в хурджине, Георгий достает завернутый в бумажный мешочек табак и подает вознице. Курносый сворачивает толстенную самокрутку. Закуривает. На его лице блаженство.

— Табачок — будь здоров!... Продай малость, а?

— Не для продажи везу, — отвечает Георгий. — Вот, закури...

— Да ты не скупись, папаша. Вон ведь у тебя сколько!

— Я бы не пожалел, да... — Георгий отсыпает чуть ли не половину табака. — Сыну тоже хочется что-нибудь в госпиталь привезти...

Женщины сочувственно смотрят на Георгия. Возница замолкает. Его что-то беспокоит, он что-то хочет сказать, спросить... Он глубоко затягивается и нарочито громко кашляет.

— Эх, папаша, хорош у тебя табак, да уж больно непривычен. На кашель тянет. Легко, что ли, после махорки? — говорит, наконец, он и возвращает полученный табак.

— Забирай обратно! Вкус есть, а крепости никакой.

— Что ты, дорогой! — обижается Георгий. — Это хороший табак!

— Н-но, пощевеливайся! — вместо ответа покрикивает на лошадь парень.

...Телега останавливается на площади небольшого городка. Женщины помогают Георгию снять с телеги хурджин. Георгий отходит в сторону. Поворачивается спиной к телеге, поднимает рубаху, чтобы достать надежно спрятанные деньги.

— Сколько с меня? — спрашивает он, искоса глядя на курносого.

И вдруг, удивленный, выпрямляется... Возчик поправляет уздечку. Кажется, что он стоит на коленях... Вот он обходит лошадь... с трудом взбирается на телегу.

Только сейчас Георгий видит, что у возчика отрезаны выше колен обе ноги.

— Будь здоров, папаша! — весело кричит возница. — Счастливо повидаться! Н-но!..

Телега с грохотом трогается. Георгий не успевает даже поблагодарить. Он стоит как вкопанный, озадаченно глядя вслед телеге.

Широко улыбающийся Георгий входит в вестибюль госпиталя.

В углу, у карты, раненые обсуждают положение на фронтах. Пробегают медсестра с кислородной подушкой.

— Здравствуй, — здоровается Георгий с регистратором. Снимает шапку, вытирает пот и опускает на пол хурджин.

— Вы к кому? — сухо вато спрашивает педантичный регистратор.

— К сыну, — еще шире улыбается Георгий.

— Какая палата?

— Что? — не понимает Георгий.

— Я спрашиваю, в какой палате лежит ваш сын, как его имя, фамилия.

— Махарашвили, сынок, Махарашвили. А зовут Годердзи. Красивый такой, высокий.

— Махарашвили... Махарашвили, — бормочет регистратор и водит пальцем по списку. — Ага... Есть... Махарашвили...

— Ну вот, слава богу! — уже не слушая дальше, радуется Георгий

Регистратор продолжает читать:

— ...выписан в часть... — Подняв голову от списка и разводя руками, сообщает: — Нету его здесь, папаша.

— Как нет? — не понял Георгий. — Ты же сказал — есть!

— Фамилия есть, а человека нет. Выписался вчера. Уехал.

— Куда уехал? — Все еще никак не может осознать случившегося Георгий.

— Куда? Разумеется, в часть... в свою часть. Поправился и уехал. Чего тут непонятного! — начинает уже сердиться регистратор. — Вот тут написано.

Георгий недоверчиво смотрит на него, потом на книгу, подходит к столу.

— Покажи! — хмуро требует он.

— Вы что, не верите мне? — Регистратор оскорблен.

— Почему не верю? Верю! Но тоже хочу посмотреть в эту книгу.

— Ну вот! Вот! Видите? Выписан шестнадцатого... — И раздраженный регистратор, показывая пальцем, сует ему под нос книгу.

— Дай сюда! — Георгий осторожно, но решительно вытащил книгу из рук и поднес к глазам.

— Ну? — нетерпеливо спрашивает регистратор.

Георгий молчит, лица его не видно из-за книги.

— Ну? Убедились?

Георгий медленно опускает книгу, и мы видим его лицо — растерянное и очень расстроенное.

— Я, сынок, по-русскому читать не умею, — наконец с трудом признается он.

— Так зачем вы книгу просили? — окончательно разозлился регистратор. — Вот народ!..

Старик виновато развел руками, отошел, сел на первый попавшийся стул и, сгорбившись, глубоко задумался.

Регистратор посмотрел на него сначала презрительно, как нередко смотрят горожане на деревенских стариков, потом, видимо, вспомнив, что привело того сюда, смягчился.

— Ну ничего, папаша, бывает... Ты лучше порадуйся, что починили твоего сына на совесть и он опять здоров, да топай потихоньку на станцию, а то пропустишь поезд и придется тебе еще целые сутки ждать...

Тяжело поднявшись со стула, Георгий покивал согласно головой, поднял хурджин и направился к дверям, ведущим в коридор госпиталя.

— Куда ты? — Регистратор вскочил и, залопив дорогу, показал на другую дверь. — Выход там...

— Эх, сынок. — Покачал головой Георгий. — Если бы ты знал, сколько мне пришлось ехать, ты бы не говорил так.

— А как же я должен с тобой говорить?.. Ведь я же сказал, нет тут твоего сына.

— Ты хочешь сказать, что мой сын написал мне неправду? — с достоинством произнес Георгий. — Вот письмо! Он написал мне, что он здесь... Мой сын никогда не обманет меня! — И, легко отстранив тщедушного регистратора, пошел к двери.

Испуганный регистратор кинулся за ним. Уже в коридоре снова загородил дорогу.

— Ты что?! Ненормальный?.. Здесь же операционная. Сюда нельзя без халата! — приглушенно завопил он.

— Ну так давай мне халат.

— Не дам!!

— Почему? — удивился Георгий.

От отчаяния регистратор чуть не плакал, а Георгий, наоборот, был вполне спокоен.

— Потому что тебе здесь нечего делать, понимаешь?.. Нет твоего сына тут... Я тебе уже сто раз объяснял! Уходи скорее, пока нас здесь никто не увидал!

— Ты не сердись. — Положил ему руку на плечо Георгий. — Знаешь, сколько я сюда ехал? И на машине ехал, ехал... и на поезде ехал, и пешком шел, на лошади ехал...

— О, господи! — застонал регистратор и, закрыв глаза, прислонился к стене. А когда открыл их, Георгий уже шел по коридору.

— Стой! Стой! — Погнался за ним регистратор.

В конце коридора открылась дверь, из нее вывели на каталке раненого. Следом вышел хирург, торопливо закурил. И лишь тогда заметил Георгия.

— Это что такое? — устало и недовольно спросил он.

— Товарищ военврач, я не виноват! — Поспешно начал оправдываться регистратор. — Он сам сюда ворвался, ничего не хочет слушать. Я ему говорю — выписали твоего сына, а он мне не верит...

— Подождите, — поморщился хирург. И, усев-

пись у окна в кресло, обратился к Георгию.— Почему вы ему не верите?

— Понимаешь, товарищ доктор.— Георгий снял с плеча хурджин.— Знаешь, сколько я ехал?..

— Ехал,— тяжело вздыхая, развел руками регистратор.

— Да, ехал...— отворачиваясь, словно не обращая внимания на регистратора, повторил Георгий.— Поездом ехал, потом на машине ехал, на лошади тоже ехал... А он говорит, что мой сын нет здесь.

— Выписали его,— подтвердил регистратор.

— Подожди, слушай!..— гневно покосившись на регистратора, сказал Георгий и, обращаясь к доктору, продолжал:— Как я могу сейчас так сразу уйти?.. Жена спросит, сосед поинтересуется, другой сын, еще кто спросит— видел ты Годердзи?.. А что я скажу? Нет! Да? Так скажу?.. А мать спросит, а ты сам видел, что его там нет?... Вот он мне письмо прислал.— Георгий полез в карман за письмом, но когда достал его, то увидел, что хирург спит, сигарета выпала из его рук и дымит на полу. Он нагнулся, поднял сигарету и замолчал в растерянности.

— Товарищ военврач!— тихо позвала сестра, появляясь в дверях коридора.

— А?

Хирург вздрогнул и открыл глаза.

— Раненых привезли.

— Как чувствует себя капитан?

— Плохо. Не переставая просит пантопон.

— Иду!— Хирург поднялся.

Протянув врачу сигарету, Георгий умоляюще посмотрел на него.

— Ладно, покажите ему палату, где лежал его сын. Только халат одеть не забудьте,— распорядился хирург и скрылся в операционной.

По рукам раненых идет фотография молодого танкиста. Кто-то снял его у своего танка. На башне хорошо виден номер— 416.

— Ну да, Годердзи.

— Только у него теперь усы еще больше стали,— смеется кто-то.

— Не сомневайся, папаша,— успокаивает Георгия другой.— Вылечили его так, что когда он танцевал в клубе, места не хватало.

— Хорошо танцевал?— радуется Георгий.

— Как птица!

Некоторое время Георгий молчит. Потом задал вопрос, который волновал его с самого начала, как только он вошел в эту палату.

— А где он здесь лежал?

Раненые показали на кровать, стоявшую у окна. На ней неподвижно лежал тяжело раненый солдат с забинтованной головой.

— Вот тут, папаша,— тихо подтвердил тот.

Георгий подошел к кровати и осторожно потрогал ее. Заметив сочувствующие взгляды раненых, он смущенно улыбнулся. И вдруг он понял, что не должен показывать этим молодым людям, сверстникам Годердзи, свое горе и свою печаль. В свои молодые годы им и так пришлось хлебнуть немало горького!

— О-о-о!.. Это хорошо! — Похлопал Георгий по кровати. — Значит, ты тоже скоро поправишься!..

— А знаешь, отец, — сказал один раненый, — ты ведь можешь повидать Годердзи. Его часть в Демидово стоит. Ребята оттуда наведывались к нему, говорили: твой танк, мол, скучает по тебе. Съездил бы туда...

— А где это... Демидово? Далеко?

— Говорят, нет. На станции узнаешь.

Георгия охватило волнение. Значит, еще есть возможность повидать сына! Но он все же не очень уверен в этом.

— А кто на станции скажет?

— Как кто?! Комендант.

— Э-э-э! — словно от надоевшей осы, отмахнулся Георгий. — Комендант это такой человек...

— Да нет, папаша, ты ему объясни... он поймет.

— Обязательно поможет тебе!

Но Георгий не разделяет уверенность раненых, что комендант поможет ему. Видно, за время своего путешествия у него было немало хлопот с комендантами!

— Э-э-э!... — недовольно тянет Георгий. — Я знаю что такое комендант...

— Он вам и пропуск даст, — говорит тяжело раненый солдат.

— Да? — Отец не верит в доброту коменданта, но и противоречить тяжело раненному ему не хочется.

— Обязательно даст, — подтверждает другой.

— Вы только ему объясните, — советует третий.

— Расскажите все как есть, — учит еще один.

Перебивая друг друга, раненые уговаривают Георгия. Тяжело раненый солдат громко постучал стаканом по подоконнику. В палате сразу стало тихо.

— Даст! — убежденно сказал тяжело раненый, — ты ему фотографию покажи, и он даст пропуск!

— Ну хорошо!... Тогда я поехал, — говорит Георгий, стараясь казаться бодрым и веселым. — Спасибо вам, дорогие!

Он всем поклонился, но, мгновение подумав, обошел палату и, всем пожимая руки, каждому говорил «спасибо». У кровати, на которой еще так недавно лежал его сын, а теперь маялся тяжело раненый незнакомый солдат, остановился и осторожно, по-отцовски ласково погладил больного по груди.

— Ну поправляйтесь!.. Поправляйтесь. Молодец!..

Он уже направился к дверям, когда его окликнул регистратор.

— Папаша, вещички забыли!

— Нет не забыл. Это мой сын Годердзи всем вам подарок прислал, — радушно улыбаясь, ответил Георгий и, еще раз улыбнувшись, вышел.

Железнодорожная платформа. Дождь льет словно из ведра.

Георгий спрятался под крышей разрушенного сарая. Усталыми глазами он смотрит на мокрые рельсы. Тяжелые и грустные думы владеют им.

По платформе, стуча сапогами, пробегают солдаты, ищут, где бы спрятаться от дождя.

За стеной слышен неясный говор, здоровенный храп, плач ребенка. Где-то шумит пьяный. Не разобрать, поет он или крикливо бранится.

Уныло шумит дождь.

Георгий поднимает воротник, втягивает голову в плечи.

В сарай вбегает молодой солдат. Георгий отодвигается, уступая ему место.

— Вот черт! Сахар весь намок, — ворчит солдат, роясь в вещевом мешке. Сворачивает папироску и предлагает Георгию. — Подымим, отец.

— Нет-нет, — отказывается Георгий. Он по-прежнему задумчиво смотрит перед собой.

— Зря не куришь. В жизни не стоит отказываться ни от одного удовольствия, — неумело дымя папироской, философствует молодой солдат. — А может все-таки закуришь?

— Не курю, дорогой, не курю. — Отворачивается от солдата Георгий. Всем своим видом он показывает этому болтливому парню, чтобы тот оставил его в покое.

Где-то близко послышался шум моторов. К сараю подбегает человек в дождевом плаще.

— Эй! Кто здесь с машиностроительного эвакуируется? Машины ждут! — громко объявляет он.

Группами, нагруженные всякой кладью, откуда-то появляются люди. Торопливо направляются туда, откуда доносится шум машины...

Молодой солдат с интересом разглядывает Георгия.

— Далече собрался?

— Домой... В Грузию, — нехотя отвечает Георгий.

— Домой?!.. Это хорошо! — с удовольствием щелкает языком солдат.

— Что хорошо-то?! — возразил Георгий. — Я сюда ехал сына в госпитале повидать. Ехал-ехал, торопился и все равно опоздал. Сказали, он поправился и ушел в часть.

— Д-да, не повезло. — Сочувственно покачал головой солдат.

— На войне судьба — все. Вот у нас во взводе тоже был один грузин...

— Танкист? — Быстро спрашивает Георгий.

— Нет, пехота. Веселый такой парень: песни пел. И вот — это когда немцы Мелитополь брали — попали мы в самое пекло... Лежим, землю носом роем, и вдруг мина рядом ка-ак даст... — солдат вдруг смолк. Он посмотрел на Георгия и, виновато улыбаясь, спросил: — Я, наверное, болтаю много? Понимаешь, отец, я ведь только что из госпиталя. После контузии месяц говорить не мог.

— Ничего, сынок, говори. — Георгий только сейчас посмотрел на солдата. — А имя его не помнишь?

— Кого? Того грузина?

— Да.

Вздыхнув, солдат хмуро покачал головой.

— Какое там имя! На фронте у всех одно имя: здорово, солдат, прощай, солдат!

Перед платформой, пыхтя и выпуская густые струи пара, медленно проходит паровоз.

Георгий вскакивает и быстро выходит на платформу.

— Эй, подожди! — кричит он машинисту. — Куда едешь, а?

Машинист высовывается из будки и у самого уха машет рукой: ничего, мол, не слышу.

— Поезжай в Грузию, в Грузию! — подбегая к паровозу, кричит Георгий.

— Что? — Машинист тормозит. Он услышал Георгия, но не поверил своим ушам.

— Грузия, Грузия, говорю! — повторяет Георгий. — Ну, поедешь?

Машинист оторопело посмотрел на Георгия и прибавил скорость.

С досадой плюнув, Георгий пошел обратно к сараю. Но в сарай уже не зашел. Дождь прекратился. Выглянуло солнце. На платформе засверкали лужи, из сарая вышел молодой солдат.

— А ты что же там, в госпитале, не узнал, в какую часть направили твоего сына? Где она находится? — спросил он.

— Как не узнал! — Даже обиделся Георгий. — Что ж я тогда узнал, если этого не узнал!... Где-то поблизости здесь стоит его часть... Де... Дем...

— В Демидово?

— Да-да... Демидово. — Вспомнил Георгий.

— Так это же совсем рядом. Два часа езды на любом попутном эшелоне. Чего ж ты сидишь здесь?

— А я разве сижу? Ты только послушай... Сколько я просил начальника... Говорю: «Здесь близко мой сын, покажи его, покажи мне. А он

твердит одно: «Нет и нет!» Вчера целый день просил: «Командант, дорогой, пропусти, вот документ». — Георгий достал из кармана бумажку и показал ее солдату. — Вот этот документ.

— Ну?

— Нет, говорит, никак нет! Этот документ только до сих пор, говорит. Туда нельзя, говорит, поезжай обратно домой, говорит. Вот!

— А ты, отец, плюнь на эти бумажки!

К платформе тихим ходом приближается состав теплушек.

— Вот смотри, если остановится, можно сесть и через три-четыре часа будешь в Демидово. — смеется солдат.

— Что?.. Без пропуска? Нет! — наотрез отказывается Георгий.

Подняв воротник, солдат перекидывает за спину вещмешок. Отойдя на несколько шагов, оборачивается к Георгию.

— Ну что? Решил?

— Не могу так... Нет! — отмахивается тот.

— Да ты не бойся! — уговаривает его солдат.

— Я не боюсь, но сказали, что без пропуска нельзя.

— Жаль... Тогда прощай! Мне торопиться надо... Хочу к своим ребятам попасть. Бывай здоров, отец!

Еще раз помахав рукой, солдат побежал к эшелону.

Задумчиво смотрит ему вслед Георгий. Потом возвращается в сарай, берет свой узелок и куртку. Некоторое время стоит перед сараем, не зная что делать. На лице сильное желание рискнуть и поехать к сыну. Наконец медленно

направляется к эшелону. Задумчиво идет вдоль состава. Все еще никак не может решить, как ему быть: ехать или не ехать?

Навстречу идет часовой с винтовкой.

— Эй, ты чего здесь бродишь? — строго спрашивает он.

Такое обращение молодого часового оскорбляет Георгия.

— А что? — прикрикивает на него старик. — Я здесь гуляю... А потом отсюда погуляю туда. Понятно?

— Да ну тебя! — Часовой махнул рукой и пошел дальше.

— Вот еще?.. Мальчишка! — шагая вдоль эшелона, ворчит Георгий. — Мое дело, где ходить и куда ходить! Не знает, кто старший, а кто младший!..

Постепенно он ускоряет шаг. Проходит мимо платформы, на которой стоят пушки.

— Отец! — вдруг слышит он шепот с платформы.

Остановившись, осторожно оглядывается и только потом подходит к открытой платформе.

— А?

— Надумал? — слышится шепот молодого солдата. — Садись, не бойся. Никто тебя не тронет.

— Нет! — категорически отказывается Георгий. — Документа у меня нету!

— Опять про эти документы!

Переступая с ноги на ногу, Георгий слушает. А солдат продолжает соблазнять старика.

— Давай решайся скорее!.. В Демидово, понимаешь?

— Вот этот документ действителен только до этого места. — Георгий достает из кармана бумажку. — А туда по нему ехать нельзя.

— Да плюнь ты на эту бумажку! И иди скорее, пока никто не видел...

Но Георгий все еще колеблется. С опаской оглядывается назад.

— Потом этот мальчишка еще кричать на меня будет... — нерешительно говорит он.

— Никто ничего не скажет. Смотри, как здорово я устроился! — искушая, шепчет солдат. — Посмотри, настоящее плацкартное место!

— Эх... Да как же я без документа! — уже не так решительно упорствует Георгий.

— Ну, скорей!

— А?

— Давай, говорю!

Спереди доносится гудок паровоза. Георгий беспокойно оглядывается.

— Скорее! Поезд уходит...

И Георгий наконец решается. Он быстро бросает свой узелок солдату, потом бросает куртку... Вдруг сзади раздаются чьи-то торопливые шаги. Георгий кладет руки в карманы и, приняв беззаботный вид, поворачивается спиной к эшелону. Мимо пробегает солдат с котелком в руке.

Удостоверившись, что за ним никто не наблюдает, Георгий бросается к вагону и проворно влезает на буфера. Эшелон со скрипом трогается. Быстро набирает скорость. Георгий и молодой солдат устраиваются под оружием.

— Люблю путешествовать, — мечтательно говорит солдат и, повернувшись к Георгию, пред-

лагает: — Давай познакомимся: Аркадий Ершов!

— Махарашвили... Георгий! — пожимая руку солдату, говорит Георгий.

Вечереет. Широкая дорога в степи. Под конвоем ведет Георгия молодой солдат. Рядом идет Аркадий. Он пытается уговорить конвоира:

— Ну что ты привязался к старику. Не веришь своему брату солдату?

— Отведу, куда следует, там выяснят, — хитро отвечает тот.

Через поле с визгом пролетает снаряд и вдалеке взрывается.

— Что это? — пугается Георгий.

— Иди, иди не прикидывайся, — подталкивает его автоматом конвоир.

Георгий резко оборачивается.

— Слушай, лучше убери эту штуку! — И отодвигает ствол автомата в сторону.

— Тоже мне диверсанта поймал! — не унижается Аркадий. — Связываться лень, а не то накостылял бы тебе шею по всем правилам!

— Попробуй, — похлопал по автомату конвоир.

Снова раздается свист снаряда, на этот раз совсем близко.

— Ложись! — кричит Аркадий.

Они с конвоиром хлопнулись на землю. Снаряд разорвался совсем неподалеку, со свистом пролетели над головой осколки.

И только после этого, не спеша, Георгий

улегся. Конвоир не смог сдержать улыбки — они с Аркадием уже поднялись с земли.

— Опоздал, папаша, теперь уж идти надо, — говорит он.

Снова двинулись. Деревня была теперь совсем рядом.

Все время косясь на ствол автомата, Георгий старается идти так, чтобы он не был направлен ему в спину... Из-за сарая выскочил «виллис» и остановился.

— Горбатенко! — высунулся из машины майор. — Кого это ты ведешь?

Подбежав к машине, конвоир козырнул.

— Задержан в расположении части с недействительными документами. — И он передал документы Георгия.

Просмотрев документы, майор удивленно посмотрел на Георгия.

— Пропуск у вас до Дубово. Сюда зачем вы попали?

— Понимаешь, товарищ командир, — заволновался Георгий. — Я поехал сына навестить в госпиталь. А его уже в часть выписали. Сказали, часть его в Демидове, вот я и поехал. Я столько ехал и пешком, и на поезде...

— Эх, папаша! В Демидове уже немцы, — вздохнул майор.

— Немцы? А где же мой сын? Махарашвили его фамилия, Годердзи. Танкист он.

Майор махнул рукой шоферу, чтобы тот трогался.

— Легче иголку в стог сена сыскать. Не время, папаша, в гости ездить... Поезжай обратно домой.

Машина тронулась, потом притормозила, и майор крикнул:

— Горбатенко! Устрой старику ночлег, а утром отправьте его с какой-нибудь машиной.

Аркадий с улыбкой подошел к Горбатенко.

— Значит ты Горбатенко... А зовут как?

— Николай.

— Ну, Колька, пойдем выполнять приказание майора...

Деревенская изба, слабо освещенная керосиновой лампой. Треснутое стекло заклеено бумагой. Всюду вповалку лежат солдаты. У стола, склонившись над разорванной гимнастеркой, пожилая женщина чинит ее.

Заложив руки под голову, на полу лежит Георгий. Рядом с ним Аркадий. Тот наконец встретил своего приятеля Никифорова и тихо расспрашивает его об однополчанах:

— А Вася Коноплев?

— Васю под Калачом убили. Во время бомбежки.

— А Петька Сибиряк?

— Петро уже отвоёвался, из дома письмо прислал. Руку ему в госпитале ампутировали.

— Да-а!.. Ну хорошо, что жив... А старшина наш? Где?

— Ивана Ивановича тоже нет...

— Убит?

— Да... Ранили его... Аннушка потащила его, а по дороге обоих мина накрыла.

— Эх, какая дивчина была! — горестно вздохнул Аркадий.

Молча, не упуская ни одного слова, Георгий прислушивался к этому печальному разговору. Услышав об Аннушке, он тронул Аркадия за рукав.

— Послушай, ты говоришь, девочка? Разве женщины тоже воюют?

— Еще как, отец!.. Их сейчас много. И зенитчицы, и телефонистки, и санинструкторы...

Георгий тяжело вздохнул.

В комнату с охапкой дров вошел мальчонка лет четырнадцати. Осторожно, чтобы не наступить, он сложил их у печки.

Собеседник Аркадия, старший сержант Никифоров, посмотрев на босые ноги подростка, спросил у женщины:

— Что же вы, мамаша, парня босиком на улицу гоните? Надо бы обувку какую дать...

— Он у меня получит обувку, — сказала женщина, сурово поглядев на мальчику. — На фронт ему захотелось, сопляку...

— А я все равно сбегу... Босиком... — сдавленным от обиды голосом пробурчал мальчик.

— О господи! — вздохнула женщина. — Хотя бы кто сказал, оставаться нам тут или уходить, пока не поздно?

Никто ей не ответил. Она вопросительно обвела избу глазами. Кто спал, а кто отвел глаза, потому что ответить ей было нечего.

Женщина встала, дунула на лампу и залезла на печь. В темноте словно сильнее стал далекий гул. Вдруг он стал нарастать, задрожали стекла...

По деревенской улице проходили танки.

Из дома выскочил Георгий. Подбежав к дороге, он напряженно всматривается в цифры, выведенные на башнях.

...С грохотом проходит один танк, другой, третий. Георгию трудно рассмотреть цифры. Он подходит ближе, почти к самым гусеницам, складывает руки рупором и кричит:

— Годердзи-и!

Но крик пропадает в шуме моторов и лязге гусениц.

— Годердзи-и! — кричит старик следующему танку.

— Годердзи-и!

И так каждому танку несется вслед крик, полный надежды и отчаяния.

Прошел последний танк. И снова стало тихо и темно в деревне. А Георгий в полном одиночестве долго стоит на дороге и смотрит в ту сторону, куда ушли танки... Потом возвращается в избу.

Здесь уже все спят. Слышится только тихое посапывание да храп. Женщина на секунду спустила голову с печи, взглянула на Георгия. Из-за ее спины выглянул мальчишка, но она его тотчас же пихнула обратно.

— Спи!

Найдя свое место рядом с Аркадием, Георгий осторожно дергает его за рукав:

— Ты спишь?

— А? — Поднял тот заспанное лицо.

— Что теперь делать? — растерянно и как-то по-детски обиженно зашептал Георгий.

— Спи, отец, спи, — буркнул Аркадий.

— Говорил я тебе, не надо мне ехать, не надо, а ты? Езжай, езжай! Вот тебе и езжай! Что теперь я здесь буду делать? Годердзи я уже не найду. Я знаю, он на самом фронте... А здесь везде стреляют. Эх, Аркадий, Аркадий...

Поняв наконец, что Аркадий давно заснул и что это он тихо и сладко посапывает, Георгий тоже устраивается поудобнее. Он лежит, погруженный в свои тяжелые думы, и слушает глухой гул фронта...

Слышится нарастающий вой и вдруг... громовой удар.

В избе все вскакивают. Снаряд ударил так близко, что вылетели стекла. И не смолк еще грохот взрыва, как закричала женщина:

— Борька! Борька! Где ж ты, стервец? Неужто удрал? — запричитала она, оглядывая избу.

Снова удар. Со двора донеслась команда:

— Второй взвод, за мной!

Солдаты поспешно выскакивают во двор. Где-то, не очень далеко, трещат выстрелы из винтовок, слышатся пулеметные очереди.

Вместе со всеми выскочил и Георгий. Ничего не понимая, он спрашивал всех:

— Что такое?.. Что случилось?.. Кто это? Немцы? А мне куда же? А как же мне быть?

К нему подскочил Аркадий.

— Давай, отец, дуй отсюда поскорей! Дело плохо, похоже — немец наступает.

— А куда?.. Куда же я пойду?.. А где немцы?..

— На станцию иди, откуда вчера пришли...
И давай скорей, скорей...
Аркадий побежал куда-то вслед за всеми...
— Эх, Аркадий, Аркадий!.. Говорил я, не
надо ехать! — с упреком прокричал вслед ему
Георгий.

Торопливо идет Георгий той же дорогой
вдоль поля, по которой пришел сюда вчера.
Позади слышится стрельба... взрывы. Над голо-
вой то и дело пролетают снаряды. Георгий пуг-
ливо приседает, но они рвутся пока далеко.
Навстречу скачет всадник. Вот он поравнялся
со стариком. Это Борька. Он на неоседлан-
ной лошади, но сидит как влитой. Увидел
старика. Придержал лошадь и, свесившись, за-
кричал:

— Дяденька! Дяденька! Не ходите на стан-
цию! Там немцы!

— Где немцы?.. Они?.. Ну, я пропал! — за-
стонал Георгий, схватившись за голову и рас-
терянно озираясь.

— На Мироновку отходите! — посоветовал
мальчишка. — Меня послали сказать, чтобы все
на Мироновку отходили!

— А где эта Мироновка?.. Пстой! Пстой!
Мальчишка махнул рукой куда-то в сторону
и снова помчался к деревне. Георгий рванулся
было к полю, чтобы пойти в том направлении,
куда ему показали, но в растерянности остано-
вился перед созревшей пшеницей, не решаясь
мять хлеб. И он пошел по краю, пугливо огля-
дываясь назад, на деревню, откуда слышалась
нарастающая стрельба...

Вот он увидел, как из деревни стали выбе-
гать какие-то маленькие фигурки. Они бежали
по золотистому полю, направляясь к неболь-
шому лесочку, вернее, кустарнику... И вдруг
Георгий увидел тропинку, ведущую через поле
к тому же кустарнику. Он побежал по ней.
И почти сразу же перед ним поднялся черный
столб земли и дыма. Георгий упал.

Взрыва он не слышал.

...Георгий медленно приходил в себя. Рядом
он увидел перепутанные стебли соломы, жуч-
ка, ползущего по стеблю, немного дальше вид-
нелась взрытая взрывом земля, воронка, и рас-
ползавшееся от нее во все стороны пламя
жадно лизало спелые колосья.

Несколько мгновений Георгий лежал непо-
движно, еще не понимая случившегося...
И вдруг, вскочив, стал затаптывать огонь...
Сорвал с себя куртку, начал сбивать ею
пламя.

— Эй, люди! — закричал он. — Хлеб горит!
Спасайте хлеб!

Поглощенный одной мыслью спасти горящий
хлеб, он не понимал, что происходит вокруг.

Подбежал Аркадий.

— Ты?.. Что ты тут делаешь? — яростно за-
кричал тот.

— Как что? — зло спросил Георгий. — Не ви-
дишь, хлеб горит?

— Какой тут тебе к чертовой матери хлеб? —
заорал Аркадий. — Ты что не понимаешь, что
творится?.. Немец прет отовсюду.

И только тут Георгий услышал звуки боя и
увидел немецкие танки, идущие вдоль поля.

За колоннами танков бежали немецкие автоматчики.

— За мной! — крикнул Аркадий и помчался к копнам снопов, сложенных на краю поля. Георгий побежал за ним. Забежав за копну, Аркадий остановился.

— В лес беги! Беги в лес, отец! — задыхаясь, проговорил он.

— А ты?

— А я за тобой!.. Ну давай, я прикрою!.. Подожди!..

Он увидел, что за соседнюю копну юркнул немецкий солдат. Аркадий выскочил из-за копны, чтобы удобнее было стрелять. Дал очередь. Немец упал.

— Беги! — крикнул Аркадий и махнул рукой, показывая Георгию направление.

Но вдруг откуда-то раздалась очередь из автомата...

— А-а-а! — хватающим за душу голосом закричал Аркадий. — Отец!.. — И медленно опустился на землю...

Ошеломленный Георгий побежал к Аркадию. Несколько мгновений со страхом смотрел на него. Потом, склонившись над ним, утешает: — Аркадий, сынок! Не бойся!.. Вайме, сынок!

Раненый смотрит на него безумными глазами. Молит:

— Унеси меня отсюда, отец!.. Помоги!..

Георгий наклоняется, берет на руки раненого и, согнувшись, бежит. Лицо Аркадия прижато к груди старика. Георгий ласково говорит:

— Кричи, сынок... кричи, может, легче станет.

Раненый глухо стонет. Над головой их свистит, как плеть в умелых руках, автоматная очередь. Георгий прыгает в воронку. Осторожно укладывает там раненого.

— Иди, отец... Иди, пока успеешь...

— Подожди... Не бойся. Я с тобой... Не бойся, — старается подбодрить раненого Георгий. Достает из кармана платок, хочет прикрыть им рану. Но, нащупав ее на груди, вздрагивает. — Вайме, сынок, — невольно вырывается у него. Но, пересилив себя, он делает перевязку. Поднимается. — Побудь немножко один... Я сейчас же вернусь, — говорит он.

— Не оставляй меня! — умоляет Аркадий.

— Нет, мальчик! Нет, сынок... Я не брошу тебя... Я отлучусь на минутку... Дорогу найду... Все будет хорошо, Аркадий, дорогой...

Он осторожно выходит из ямы, пробегает бугор и ложится. Сосредоточенно осматривает местность.

Сзади слышен громкий стон Аркадия. Где-то совсем рядом, на противоположной стороне бугра, раздается очередь из автомата. Слышится хватающий за сердце крик раненого. И вдруг стон смолкает. Георгий вздрагивает. Поднимается.

...Стоящий над ямой немец пускает автоматную очередь в Аркадия. Потом обходит яму и, шагая по спелому хлебу, направляется в поле.

Некоторое время Георгий молча, как вкопанный, смотрел вслед уходящему немцу. Ему было трудно понять увиденное.

— Эй! — вдруг во весь голос закричал он. Немец проворно обернулся.

— Подожди! — приглушенно пробурчал Георгий и двинулся к немцу.

Увидев невооруженного и странно одетого человека, немец на мгновение оторопел.

...Суровый, полный ненависти Георгий тяжело приближался к немцу.

Вглядевшись в лицо старика, немец невольно попятился и навел на него автомат. Но было уже поздно. Одной рукой Георгий вырвал у него автомат, другой со страшной силой ударил его. Немец тихо застонал и упал на спину.

— Вильгем! — со страхом заорал немец, не отрывая глаз от готовой к новому удару широкой, как лопата, руки. Он чувствовал, что рука этого человека страшнее, чем автомат, который тот держал, как дубинку.

— Э-э-э! — Что было силы, завопил немец.

Тогда Георгий поднял автомат и изо всех сил ударил немца прикладом.

У переправы через небольшую речку собралось множество народа. Тут и гражданские — в основном старики, женщины с детьми — и военные. Гуськом, на телегах и на машинах они пересекают речку вброд. На бугре в глубокой задумчивости стоит Георгий, наблюдая эту картину народного бедствия. На плече у него немецкий автомат, отнятый им у врага.

По запруженной людьми дороге медленно проезжают грузовики с отступающими подразделениями.

— Гляньте-ка, вон уж и партизаны появились, — сказал кто-то на одной из проезжающих машин.

Солдаты с любопытством оборачиваются в сторону Георгия. Среди них Никифоров, Коля Горбатенко и другие молодые солдаты, которые вместе с Георгием ночевали в деревенской избе.

— О-о, да это же тот старик, что я привел! — вспоминает Коля и кричит: — Эй, отец! Иди сюда!

Подойдя к машине, Георгий узнал знакомых.

— Здравствуйте, — печально и грустно поздоровался он.

— Лезь сюда, отец, — протянул ему руку Коля.

Георгий залез в машину, и она снова тронулась.

— Ты что же тогда сразу не ушел? — спросил Никифоров.

— Не успел, — виновато улыбнулся Георгий и снова нахмурился.

— А Аркадия ты не видел? — спросил Коля.

— Убили его. На моих глазах. Вот из этого автомата. — Показал он на автомат и отвернулся.

Печально приумолкли солдаты.

— А автомат у вас откуда? — с любопытством разглядывая немецкий автомат, спросил молодой солдат Гриша Лобов.

— Отнял, — коротко ответил Георгий.

Солдаты переглянулись и с уважением посмотрели на старика.

— Слушайте, отец, — снова заговорил Гриша

Лобов.— Вы же домой поедете, зачем вам автомат? Отдайте его мне!

Но Георгий отрицательно покачал головой.

— Да зачем он вам? — продолжал настаивать солдат.

— Нужен,— все так же коротко ответил Георгий. Говорить ему сейчас не хотелось.

Землянка. Над картой, испещренной стрелками и кружочками, склонилась группа офицеров. Среди них пожилой генерал.

— У Васильева в полку осталось только шестьсот сорок активных штыков...

— Ничего, если ему подкинуть две батареи ПТО...

— А у кого их взять?

— У Петрова нельзя?

— У Петрова самое танкоопасное направление... У Васильева хоть левый фланг прикрыт балкой, танки там не пройдут...

В избу вошел лейтенант и что-то шепнул полковнику. Тот нахмурился, проворчал:

— Вот чудак! Привязался — спасу нет.

— Что такое? — спросил генерал.

— Так, ерунда... не стоит время тратить! — отмахнулся полковник.

— Ну, а все же? — полюбопытствовал генерал.

— Да старик тут один, грузин, привязался... Хочет, чтобы я его в часть взял. Я ему уже объяснял, ничего слушать не хочет. Упрям, как...

— А где он? — спросил генерал.

— Он тут, товарищ генерал, — сказал лейтенант. — Войти сюда просится.

— Ну позовите, пусть войдет.

...Георгий вошел в избу. Все с любопытством уставились на него.

Хмуро оглядывал всех и угрюмый Георгий.

— Ты чего такой сердитый, отец? — улыбнулся генерал.

— Да потому, что хочу, наконец, услышать хоть одно умное слово! — сердито заговорил старик, — а то только и слышу: ты старый, тебе трудно будет... А молодым легко? А девочкам легко? Почему им можно воевать, а мне нет?

— Сколько же тебе лет? — спросил генерал.

— Да какое вам дело до этого?! Мой отец прожил сто пятнадцать лет и всю жизнь был молодцом!

— Да поймите же! — раздраженно проговорил полковник. — Ведь я же вам объяснял, ну а вдруг вы попадете в плен! Ведь немцы на весь мир растреляют, что большевики уже стариков в армию берут. Это же важное политическое дело...

— Почему ты все время говоришь про плен? — закричал Георгий. — Кто собирается в плен?.. Может, ты собираешься?.. Я не собираюсь!

— А все-таки ты, отец, наверное, не представляешь, как это тяжело быть солдатом, — сказал генерал.

— Опять про это?! — с отчаянием воскликнул Георгий и вдруг снял с себя куртку и швырнул ее на пол.

— Давай бороться!

Офицеры засмеялись.

— Почему смеетесь?! — яростно спросил Георгий. — Давай бороться! Если кто меня поборет — слова не скажу! Поеду домой!

— Может, попробовать? — усмехнулся один из молодых офицеров. — Вы разрешите, товарищ генерал?

Взглянув на молодого офицера, Георгий отвернулся.

— Он же совсем мальчик... Я с ним не буду! — твердо заявил он.

— Ну, давайте я попробую, — сказал пожилой плечистый офицер и вышел на середину землянки. — Можно, товарищ генерал?

Генерал оценивающе посмотрел на офицера, потом на Георгия, стоявшего в воинственной позе, и засмеялся. Встал, подошел к Георгию.

— Ладно, отец! Не надо бороться, я и так вижу, что ты человек смелый и, должно быть, не из слабосильных. Оставляю тебя здесь. Желаю тебе воинского счастья! — И крепко пожал руку Георгию.

На берегу небольшой речки дымят костры. Это воинская прачечная. Под деревьями развешаны солдатские брюки и гимнастерки. Здесь одни только женщины, и среди них единственный мужчина — Георгий Махарашвили. Он в солдатской форме, за спиной винтовка с прикинутым штыком. Гладко выбритое лицо, коротко подстриженные волосы, аккуратно причесанные усы...

— А ну-ка, милый человек, дрова принеси! — командует стоящая у котла женщина.

Недовольно нахмурившись, Георгий, гремя ведрами, идет к речке, черпает воду и несет ее к лоханкам. Опорожнив ведра, тащит под котел дрова.

— А теперь еще воды принеси, — приказывает все та же женщина.

Недовольно покосившись на нее, Георгий хватает ведра.

— Эй, солдат, дрова кончились! — кричит другая.

— Солдат, помоги переставить лоханку, — басом зовет третья.

Георгий останавливается. Ему очень хочется сказать крепкое слово всем этим прачкам, которые ему смертельно надоели. Но где ему, немногословному человеку, связываться с этими «сороками»? Буркнув что-то себе под нос, он покорно идет к речке.

Не очень далеко раздались артиллерийские залпы.

Подняв голову, Георгий прислушивается. Сплошной гул заполняет округу. На том берегу заговорили наши «катюши»...

В сердцах Георгий бросает ведра и бежит... Бежит через поле, изрытое снарядами...

Оглушительно грохочут орудия... Земля гудит от взрывов.

...Добежав до траншеи, Георгий прыгает вниз. По узкой траншее он с трудом пробирается, разыскивая свой взвод...

— Приготовиться к атаке! — слышится команда.

Вспотевший, тяжело дыша, идет Георгий по ходу сообщения. Вдруг он видит старшего сержанта Никифорова. Стараясь быть незамечным, Георгий торопливо проходит мимо него.

— Махарашвили?!

(Услышав удивленный возглас сержанта, Георгий на ходу козыряет.

— Здрости!

— Ты куда? Махарашвили! — властно крикнул Никифоров и заторопился вслед за Георгием.

А тот присел в траншее, испуганно оглянулся.

— Почему ты здесь? — строго спросил Никифоров.

— Как почему?.. Послушай... — виновато улыбнулся Георгий и вытер вспотевший лоб. — Воевать...

— Почему ты бросил пост?

— Какой это пост?! — горько усмехнулся Георгий. — Давай вода, давай дрова... Это пост называется? Я приехал сюда стирать или воевать?

— Махарашвили, вы подрываете дисциплину, — повысил голос Никифоров. — Немедленно отправляйтесь на пост!.. Слышите? Чтобы воевать, надо все знать.

— Ни один человек не может научить меня, как надо воевать, — вдруг рассердился Георгий. — Мой отец воевал, его отец воевал, его отца отец и его, его отца отец воевал тоже!

— А ты не торопись, отец, — успокаивающе сказал Коля Горбатенко. — В бой попадешь еще, успеется...

— Наизусть знаю я, как надо воевать, — загорячился опять Георгий, — я уже все изучил. И что здесь мудреного? Вот... вперед коли, раз, два! Назад приклад, раз, два!..

Вдруг в небо взлетели ракеты. Раздалась команда:

— В атаку!..

Траншею с грохотом перешли танки... Никифоров выскочил из траншеи и высоко над головой поднял автомат.

— Товарищи, вперед!..

Георгий выскочил вслед за Никифоровым.

— Ура-а-а! — во весь голос закричал он.

— Ура-а-а! — подхватили остальные.

В пыли, поднятой танками, шла наступающая цепь. И среди молодых солдат шел в свой первый бой Георгий Махарашвили...

По дороге в боевом порядке идут нескончаемые колонны бойцов. В строю Георгий.

...Ветер гонит тучи... На горизонте видно зеленеющее поле...

— Знаешь, сколько у меня дома осталось недоконченных дел? — спрашивает Георгий.

— Э, в деревне дел всегда хватает. У нас сейчас рожь начинает созревать, — улыбается своим думам Никифоров.

— Жена пишет, — хмурится Георгий, — пропал парень. Никаких известий нет. И я все письма обратно получил. Наверное, адрес не тот дали... А может... — Он умолкает и хмурится еще больше.

— Ну что ты! — успокаивает его Коля. — Не

знаешь, что ли, как почта работает. То наступление, то переформировка... Все время адрес меняется.

— Конечно! Я вот, помнишь, письмо получил? Еще летом его написали, а сколько ходило? — старается успокоить Георгия и Гриша.

— Главное — нос не вешать! Тогда не то что письмо, и самого сына встретишь, — утверждает Никифоров.

— Нет, — вздыхает Георгий, — наверно, теперь уже пока война не кончится — не увидимся... Скорее бы!..

Слышен грохот танков. Георгий внимательно смотрит в ту сторону.

По оголенному полю с грохотом мчатся танки. Старик внимательно изучает выведенные на их башнях цифры. Гриша тоже вглядывается в цифры. Слышен голос Георгия.

— Что написано?

— Двенадцать, — говорит Гриша, — двенадцать написано.

— Годердзи 416, — говорит Георгий.

...Колонна солдат... Среди них шагает Георгий. Он провожает танки долгим взглядом. Постепенно танки скрываются из глаз.

— Сколько танков я уже видел, а его машины не встретил! — с досадой говорит Георгий.

В поле появляется еще один танк. На полной скорости мчится он вслед за прошедшей танковой колонной.

Повернув голову, Георгий следит за ним.

В вихре пыли видны лишь последние цифры написанного на башне номера — 16...

В кадре — напряженное лицо Георгия. Слово он что-то узнал. Невольно путает шаг. Неожиданно раздается возглас:

— Воздух!

В мгновение ока строй рассыпался. В кустах у дороги лежат солдаты. И только Георгий стоит посреди дороги и, взволнованный, смотрит на танк. Вдали виднеется темная полоса леса.

...С гулом приближается немецкий самолет.

...Укрывшиеся в кустах солдаты прижимаются к земле.

...Стоит один-одинешенек Георгий посреди дороги. Вся его фигура выражает невероятное напряжение.

...Мчится танк по голому полю. С ревом приближается вражеский самолет.словно сирена, визжит бомба. Черный дым окутывает землю. Танк круто поворачивает, прибавляет скорость. Стрекочет установленный в верхнем люке танка зенитный пулемет, по воздуху пробегает цветной пунктир трассирующих пуль.

Напряженное лицо Георгия. Он не отрываясь смотрит на танк.

Самолет разворачивается. С ревом преследует мчащийся по голому полю танк.

Мчится танк по ровному, бескрайнему полю, каждую минуту меняя направление. Отрывисто строчит по воздуху зенитный пулемет, стараясь уловить вражеский самолет. Самолет настигает танк...

Георгий поднимает кулаки и во всю силу легких кричит:

— Эгей!..

Быстрая смена кадров:

...С ревом приближается самолет со свастикой.

...Мчится по полю танк.

...Сверкает на крыльях самолета свастика.

...Поле... Георгий... Самолет... Оглушительный рев мотора.

Вдруг Георгий срывается с места и с криком бежит к танку...

Решительное лицо Георгия с воспаленными глазами. Он бежит по полю, пуская очереди из автомата вверх. Всячески старается привлечь к себе внимание летчика, чтобы как-нибудь помочь танку.

...Лежащие на земле солдаты удивленно смотрят вслед Георгию, который, словно обезумев, бежит за танком по голому полю.

— Что с ним? — встревоженно спрашивает Вова.

— Черт его знает, рехнулся, что ли? — хмурится Никифоров.

— Эй, отец! — кричит Гриша.

— Георгий!

— Братцы, это, наверно, танк его сына! — вдруг догадывается Гриша и вскакивает на ноги. За ним поднимаются остальные.

Мчится по полю танк.

С ревом преследует его вражеский самолет.

— Эгей, сюда!.. Будь ты проклят! — кричит летчику Георгий.

Он размахивает руками, стреляет из автомата, шлет летчику проклятия. Но не может при-

влекать к себе внимание гитлеровского стервятника, ничем не может избавить танк от смертельной опасности. Словно безумный, Георгий мечется по полю. По его лицу потоками течет пот.

...По голому, как ладонь, полю мчится танк.

...Со свистом и ревом налетает на него самолет. Легко изворачивается танк. Добыча снова ускользает... и тогда черная тень самолета накрывает Георгия.

Бешено мчится танк. Вот уже совсем близко лес.

— Так, так, дай бог здоровья твоей деснице! — кричит Георгий.

Развернувшись уже с другой стороны, с ревом приближается самолет.

...С автоматами в руках, крича, на поле выбегают Вова, Гриша, Коля, Никифоров и остальные бойцы. Но гитлеровцу нужен танк, а не эта «мелкота».

Набрав высоту, самолет ложится в пике и налетает на танк. Рев такой страшный, что подирает мороз по коже... визг сирены, шум мотора и скрежет стали...

Еще секунда и пикирующий самолет накроет танк.

Лицо Георгия. Горечь искажает его...

— Быстрее!.. Быстрее!.. Обгони его, парень! — кричит он вне себя.

Самолет неумолимо приближается к танку. Невыносимым становится рев пикирующего самолета.

Георгий грозит ему кулаком, пускает очередь из автомата. Подбегают солдаты. Они тоже кричат, тоже стреляют вверх из автоматов.

Но летчик словно не видит их... Совсем немного осталось сделать самолету.

Но танкист включает задний ход. Отрывисто трещит зенитный пулемет. Трассирующие пули разрезают небо. Танк на мгновение останавливается, а затем полным ходом идет назад... Самолет с трудом успевает выйти из пике. Он ревет, словно раненый зверь. Перечеркивает небо черной линией и скрывается за лесом.

Георгий останавливается. Бессмысленно смотрит вперед.

По полю мчится танк. Еще немного, и он скроется в лесу. Усталое, сведенное от боли лицо Георгия выражает сейчас облегчение. В изнеможении он опускается на израненную бомбами и пулями землю. Смотрит туда, где скрылся танк. К нему подбегают молодые фронтовые друзья.

Показывая рукой на дальний лес, часто дыша от усталости, прерывисто говорит солдатам:

— Видели? Все видели? Ух, молодец парень! Настоящий герой!

— Это твой сын, да? Мы сразу догадались! — говорит Гриша.

— Твой сын? — спрашивает Никифоров.

Грустно вздохнув, Георгий медленно качает головой...

— Вначале и я так думал, но это не он. А так — он молодец. Не хуже моего Годердзи.

Ночь. Поле, усеянное разбитой немецкой техникой. Падает снег. Издалека доносится шум боя.

Прямо под открытым небом, на поле, спят солдаты. Это батальон Георгия. Кто укрылся за сожженным перевернутым танком. Кто под разорванным минометом. Кто под обугленной машиной. Спит Гриша. Спит Коля. Спит Георгий. Спит Вова.

Мохнатые хлопья снега прикрывают разбитую технику врага...

Издали доносится шум колес. Приближается доверху нагруженная телега с прицепленной к ней походной кухней. Наверху сидит рыжий повар. То и дело кнутом он подгоняет скачущего коня.

— Но-о! Шевелись, служивая!

На возу трое солдат. Под мышками у них музыкальные инструменты. Воз приближается к спящим солдатам. Повар останавливает лошадь и непонимающе смотрит на спящих.

— Подъем! Вставай, пехота! Налетай, пока горячее! — кричит он.

Но ни один человек не шелохнулся. Повар несколько обескуражен. Слезает, но, прежде чем подойти к спящим, удивленно спрашивает сидящих на возу солдат:

— Что с ними случилось?

Удивленные солдаты прыгают на землю.

— Что такое?.. Может, они трюк? — щелкает повар себя по щеке, намекая на выпивку. — Вставай, ребята! Новый год проспите!

Подняв голову, Коля Горбатенко зло кричит:

— Ну чего разорался? Катись отсюда! Не видишь, люди спят?

Открыв от удивления рот, повар замер. Смотрит на стоящих рядом солдат и в недоумении

пожимает плечами. Сзади раздается хруст снега. Повар и солдаты с музыкальными инструментами оборачиваются. К ним приближается старший сержант Никифоров.

— В чем дело, товарищ старший сержант? Приказали мне обед доставить, артистов вот вам привез...

— Ш-ш!..— подносит палец к губам Никифоров и тихо добавляет: — тихо, не шуми... Все равно никто сейчас не встанет. Вымотались ребята за трое суток боя начисто.

Повар понимающе кивает головой.

Пришедшие вместе с ним солдаты неловко переминаются с ноги на ногу.

— Так это вы артисты? — Смотрит на них Никифоров.

Тощий солдат, у которого под мышкой торчит футляр с виолino, козырнув Никифорову, докладывает:

— Да, концертная бригада дивизии... Простите, но я не понимаю, в чем дело... Нас направили к вам провести концерт специально, как в особо отличившуюся часть, а тут...

— Это хорошо, концерт давно нам обещали, — отвечает Никифоров.

— Товарищ старший сержант, а как же Новый год?.. У меня тут и кино и подарки. Может, все-таки встанут? — спрашивает повар.

— Вряд ли, я же говорю — трое суток не спали.

— Понятно... Ну и что? Я и попозже разогреть смогу, а как же артисты?

— Мы утром должны в третьем батальоне выступать, — говорит один из музыкантов.

— Да-а, — задумчиво тянет Никифоров. — Обидно будет ребятам, если вы уедете... Ладно! Начинайте!

— Виноват! Перед кем же мы будем играть? Аудитории нет...

— А это кто? — Обводит Никифоров рукой вокруг.

— Да, но они спят...

— Ничего, хорошую музыку и во сне услышишь. Раз приказано дать концерт, выполняйте приказание!

— Но, товарищ...

— Отставить разговоры!.. Играйте!.. Только потише, не разбудите...

Солдат достает из футляра виолino и проводит по нему рукой. Футляр он кладет на сгоревший немецкий танк, под радиатор. При этом ворчит себе под нос:

— Профанация!.. Я в Колонном зале выступал... В Зале Чайковского...

— Разговорчики! — снова прерывает Никифоров.

Музыканты готовятся начинать. У одного в руках виолino, у другого баян, у третьего кларнет...

Солдат с виолino обращается к Никифорову:

— Что прикажете играть?

Никифоров задумчиво осматривает поле. Спят солдаты. Взгляд Никифорова задерживается на Георгии.

Спокойно спит под разбитым танком укутанный в плащ-палатку Махарашвили. Никифоров смотрит на него, потом поворачивается к музыкантам:

— Сыграйте что-нибудь грузинское... Можете?

Музыканты переглядываются. Они шепотом советуются, потом, посмотрев на старшего сержанта, утвердительно кивают.

— Начинайте, — спокойно говорит Никифоров.

Сняв перчатки и дыханием отогрев руки, музыканты берутся за инструменты...

В поле раздается огненная плясовая музыка... Спят солдаты... словно белые бабочки кружатся в воздухе снежинки... увлеченно играют стоящие у створенного танка музыканты.

Старший сержант Никифоров стоит под снегом весь белый, похожий на Деда Мороза. Его захватила музыка.

Все быстрее и быстрее становится темп... Но по-прежнему спят солдаты в заснеженном поле. Спит Георгий Махарашвили... смыкаются веки у Никифорова... Взлетают в небо ракеты; разноцветные трассирующие пули царапают тьму... В тишине ночи вместе с белыми хлопьями снега несется огневая мелодия...

...Степь. Пурга. В головокружительном вихре пляшет снег...

И снова тяжелая фронтовая дорога, усеянная разбитой вражеской техникой.

По заснеженному лесу идет колонна солдат. Окаменелые, суровые лица... Тяжел солдатский шаг, и, кажется, нет силы, которая заставила бы их идти быстрее.

По обеим сторонам дороги понурые деревья.

От тяжести снега нижние ветви пригнулись к самой земле.

— Дали бы малость передохнуть! — охрипшим от усталости голосом говорит Коля.

— Товарищ командир, давайте привал, а?! — Слышится чей-то молодой умоляющий голос.

— Веселее ребята! — подбадривает уставших солдат Никифоров.

Подойдя к Коле, Георгий хочет взять у него тяжелый вещмешок.

— Давай понесу... Ты, я вижу, совсем устал.

— А ты разве не устал?

— А я, как старая лошадь, бегом не могу, а шагом — пожалуйста. Я, дорогой, по горам, знаешь, сколько ходил? А тут дорога ровная. Давай, не стесняйся. — И, взяв у Коли его вещмешок, перекладывает себе на плечо.

Сверху доносится мощный гул. Над лесом пролетают эскадрильи советских бомбардировщиков.

— Полетели Гитлера бомбить! — раздается чей-то восторженный голос.

— О магис деда ватире! — ворчит по-грузински Георгий.

— Что ты сказал, отец? — с любопытством спрашивает Володя.

— Ядреная мать этот Гитлер! — громко, со злостью переводит Георгий.

На измученных от усталости лицах солдат засветилась улыбка.

К строю подбегает Никифоров.

— Назаров, Горбатенко, Лобов, Махарашвили — на боковой дозор! — приказывает он.

Названные солдаты один за другим выходят

из строя. Георгий снимает с плеча автомат и, тяжело вздохнув, повторяет приказ:

— Есть дозор!

Из леса выходят дозорные. Они в белых маскировочных халатах. Впереди белое, до слепоты в глазах, снежное поле.

— Местность открытая... Осторожно! — внимательно глядя вперед, предупреждает Никифоров.

Дальше ползет дозор по-пластунски... В воздухе пронзительно свистит мина и, звонко разорвавшись, поднимает фонтан снега и сырой земли. Вскочив на ноги, бойцы бегут к ближайшей воронке... Снова взрыв... Еще и еще раз...

Жужжа проносятся над воронкой горячие осколки. Поднятая взрывом земля осыпается на головы укрывшихся в воронке солдат... И снова тихо.

Подняв голову, Георгий прислушивается... Страхивает с маскировочного халата землю.

— Заметили, наверное... Ух, гады! — цедит сквозь зубы Володя.

Георгий внимательно рассматривает на ладони землю.

— Что ты нашел, отец? — с любопытством спрашивает Коля, заглядывая через плечо Георгия.

— Земля... — тихо говорит Георгий, улыбаясь каким-то своим думам. — Хорошая земля... жирная такая...

Коля снисходительно улыбается. Видно, что

ему не в первой видеть причуды старого солдата. Неожиданно на соседнем дереве с шумом поднимается ветка. Дерево словно бы вздрагивает, страхивая с себя снежную пыль... Этот странный шум застает солдат врасплох. Полуудивленные-полуиспуганные, они с недоумением смотрят на дерево.

— Солнце пригревает, — с удовольствием бубнит Георгий. — Конец зиме... Слушай, Николоз, — дергает он за рукав Колю, и, показывая на землю, рассыпанную по его широкой ладони, таинственно, шепотом спрашивает: — Ты слышишь, что она говорит?... А? Слышишь? Николоз!

Внимательно наблюдавший за полем Коля сползает в воронку и подносит ладонь Георгия к своему уху.

— Ничего не слышу.

— Ты еще молодой, потому не слышишь. А она говорит... Пора, говорит, уже начинайте, говорит, это... как это... — Георгий старается вспомнить нужное русское слово.

— Сеять, — подсказывает Коля.

— Да-да, сеять. Но сначала надо это... — Снова у старика нет в запасе нужного слова.

— Пахать? — неуверенно добавляет Коля.

— Да-да, пахать... — Георгий опускает веки, словно хочет забыть, где он находится. На лице у него полная безмятежность. — Сначала пахать, а потом сеять... Пахать, сеять, пахать, сеять... — мечтательно шепчет он.

Близкий взрыв мигом возвращает его к реальной действительности.

— Пошли! — командует Никифоров.

Один за другим солдаты покидают воронку и ползут дальше. Щекой разгребая мокрый снег, ползет и Георгий...

...Где-то в конце поля, как сырые сучья на костре, трещат винтовки и автоматы...

Георгий отстает от бойцов. Ему трудно ползти по-пластунски. Он с трудом переводит дыхание. Переползая через маленький холмик, он что-то задевает локтем. Останавливается. Руками разгребает снег... Видит поваленный полосатый столб, на нем дощечка с надписью: «СССР». От неожиданности старик на мгновение застывает над дощечкой. Потом, поднявшись на колени, притглушенно зовет:

— Эй!.. Сюда... сюда!.. Скорее!..

Из-за стоящей неподалеку березы к нему ползет Коля Горбатенко.

— Что случилось, отец? — еще издали спрашивает он.

— Николоз, иди, посмотри!.. Пришли уже. Понимаешь? Пришли!.. Пришли!.. — Радости Георгия нет предела.

Коля ползком приближается. Секунду смотрит на столб. И вдруг по-детски восторженно у него вырывается:

— Отец!..

— Николоз, Николоз!.. — Радуетса Георгий, похлопывая Колю по плечу. — Пришли уже...

Поднявшись во весь рост, не в силах унять нахлынувшую радость, Коля кричит:

— Ребята!.. Быстрее сюда! Быстрее!.. Реб...

Георгий сбивает его с ног, и в тот же миг над ними со злым свистом проносятся пули.

— Послушай, да ты что кричишь? — укоризненно качает он головой.

— Как же не кричать, отец! — задыхаясь от волнения, говорит Коля.

Подползают старший сержант Никифоров, Володя Лобов, Гриша Назаров. Как положено по уставу, Коля Горбатенко, держа руку у каски, хотя он и лежит в снегу, торжественно докладывает старшему по чину — Никифорову:

— Товарищ старший сержант, дошли до государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

В кадре крупно: вокруг пограничного столба лежат измазанные грязью солдаты. На закопченных пороховым дымом лицах торжественная радость.

— Давайте поднимем! — приказывает Никифоров.

Солдаты поднимают пограничный столб...

Близкий разрыв... Снежная пыль... Комья сырой земли. Черный дым заволакивает поле.

— Еще немного!.. — говорит Георгий.

На холме вырастает полосатый пограничный столб.

— Ура-а-а! — кричит Никифоров.

— Ура-а-а! — подхватывают солдаты.

Освобождаются от сковывающего их снега и льда ветви деревьев. И сразу же они выпрямляются. В воздухе кружится снежная пыль.

Гудит залитый солнцем, словно купающийся в белых хлопьях, лес.

Среди сверкающих на солнце белых снежинок лежат солдаты и с волнением смотрят на гордо возвышающийся столб.

Весна. Германия. По широкому шоссе движется военная колонна мощной советской техники — грохочут бронетранспортеры, танки. На обочине видны столбы с надписями по-немецки. На перекрестке, в армейской форме, статная белокурая девушка с маленькими флажками в руках — регулировщица.

На одном из бронетранспортеров — Георгий со своими фронтовыми друзьями. В начале фильма они были юношами, сейчас возмужали. На их выцветших гимнастерках блестят боевые ордена и медали. С любопытством осматривается вокруг Георгий. Трудная фронтовая жизнь почти не изменила его. То же открытое радужное лицо, те же добрые глаза, в которых навсегда притаилась озабоченность... Сидящий рядом Никифоров наклоняется к Георгию:

— Вот тебе и Германия... Дошли все-таки!

— И зачем все это надо было? — Хмурясь, укоризненно качает головой Георгий. — Эх, Германия, Германия, что ты натворил!

— Ребята, а тут все такое же, как и везде... Как и у нас, — удивленно говорит Володя.

С хрустом грызя сухари и запивая их водой прямо из фляжки, Коля добавляет:

— И вода как вода... Только называется она «Вассер»!

Машина приближается к мосту. На арке много надписей. Они сделаны углем, мелом, дегтем... Их оставили наши солдаты, проезжавшие через этот мост. Среди надписей выделяется одна:

«Здесь прошли танки старшего лейтенанта Махарашвили»...

Заметив эту надпись, Никифоров хватается Георгия за плечо.

— Отец, смотри, Махарашвили!..

— Где? — вскочив с места, спрашивает Георгий и, не дожидаясь ответа, кричит: — Стой, стой!.. Останови, слушай!..

— Посмотри вон туда... Там, на арке! — показывает Никифоров.

Водитель резко тормозит, и у самой арки машина останавливается. Георгий мигом соскакивает и подбегает к арке.

— Куда он? — удивляется Гриша Назаров.

— Отец, куда ты? — спрашивает Володя.

Старик стоит у арки и, задрвав голову, смотрит на надпись. По слогам читает:

— ...Пр-о-шли та-нки с-ста-ршего лей-тена-нта...

А сзади несутся нетерпеливые гудки автомашин и раздраженные голоса водителей. Но Георгий сейчас ничего не слышит, никого не замечает. Глаза его прикованы к арке, на лице радостное волнение.

— Ма-ха-ра-ш-вили... — заканчивает наконец он читать надпись. Обеими руками гладит камень, тянется к надписи, словно хочет потрогать рукой каждую букву. Оглядываясь назад, кричит: — Махарашвили!.. Это мой сын!.. Голдердзи, парень!.. Молодец!.. Какой он молодец!..

У моста образовалась «пробка». Шум и гвалт нарастают.

— Дайте человеку дочитать! — кричит Коля водителям.

— Три года он его не видел,— объясняет Никифоров.

— Но сын-то жив? — спрашивает один из водителей.

— Сколько же можно читать!.. — возмущается другой.

А Георгий продолжает стоять на мосту. Он еще и еще раз перечитывает надпись. Наконец к нему подбегает Никифоров и тянет его к машине.

— Пойдем, отец!.. Видишь, что творится?

Направляясь к своей машине, Георгий восторженно размахивает руками и громко кричит, чтобы его услышали все:

— Это мой сын здесь был. Молодец он!.. Я его найду уже... Здесь он, близко...

С трудом друзьям удается усадить его в машину.

Через широкий мост несется грозная лавина военной техники...

В предзвездной дымке дремлет разрушенный немецкий хутор.

Бронетранспортеры останавливаются на окраине. От головы колонны доносится команда:

— Привал!..

Солдаты спрыгивают с бронетранспортеров и, чтобы размяться, расхаживают по дороге, пританцовывают на месте. Оглянувшись, Георгий видит возле разрушенного дома танки.

— Товарищ старший сержант,— говорит он Никифорову, умоляюще смотря на того.— Вон там танкисты. Я пойду, поговорю с ними...

Никифоров сочувственно вздыхает и, поколебавшись, разрешает:

— Иди, только быстро.

Подобрав полы плащ-палатки, он бежит к танкам. Чтобы сократить путь, Георгий решает пройти через двор усадьбы. Прыгает через поваленный забор и... застывает на месте. Он видит ровные ряды виноградника. Некоторое время старик стоит неподвижно, не веря своим глазам. Потом подходит ближе, нагибается.

— Ты откуда взялась здесь, лоза любимая? — ласково шепчет он, поправляя ветвь на натянутой проволоке.

Эта неожиданная встреча так взволновала Георгия, что он позабыл обо всем на свете. Вот он обходит ряды виноградных лоз. По-хозяйски осматривает каждую. Сейчас он больше, чем когда-либо непохож на грозного воина. Сейчас он — увлеченный своими нелегкими заботами крестьянин и потому бесконечно добрый и счастливый человек. Переходя от одной лозы к другой, шепчет самые сокровенные, самые ласковые слова:

— Как ты обрадовала меня, родимая! Как я соскучился по тебе, ненаглядная!

Тихонько запеваает старинную песнь виноградарей «Ты лоза животворная»... А руки, эти большие жилистые руки двигаются быстро и проворно, убирают сорняк, поправляют подпорки, отламывают высохшие ветки...

...Где-то рядом взревел мотор. Георгий поднимает голову. Увидел танки и вдруг вспомнил, зачем он сюда шел. Озабоченно оглянувшись,

он осторожно обошел виноградные кусты и торопливо направился к танкам.

...Георгий подошел к молоденькому, почти мальчику, старшине, еще в новенькой форме, видимо, командиру машины.

— Послушай, сынок,— ласково обратился к нему Георгий.

Как ужаленный, обернулся старшина. Негодующим взглядом он с ног до головы смерил Георгия, хотел сказать что-то резкое, но, оценив возраст солдата, сдержался.

— Между прочим, в армии положено обращаться друг к другу по фамилии или по званию,— подчеркнуто вежливо ответил он.

Поняв причину негодования старшины, Георгий слегка улыбнулся. Козырнул, подтянулся и по-уставному спросил также ласково.

— Разрешите обратиться, товарищ старшина?

— Я вас слушаю,— довольно сухо ответил тот.

Но разговор о сыне Георгий не мог вести в таком сухом и официальном тоне, особенно с этим молоденьким старшиной, который был почти ровесником его Годердзи. Поэтому он радужно улыбнулся старшине, по-отцовски похлопал его по плечу и, присев рядом с ним на танк, спросил:

— Понимаешь, дружок. Я ищу сына. Он тоже танкист.

— Фамилия?

— Махарашвили Годердзи. Высокий такой, красивый...

— Состав? — все так же отрывисто спросил старшина.

— Что? — не понял Георгий.

— Ну рядовой он или офицер?

— Старший лейтенант.

Видимо, это звание было пределом мечтаний старшины, потому что он смягчился и сразу стал приветливей.

— Нет, к сожалению, не знаю. Он давно на фронте?

— Почти с самого начала.

— Тогда у нас наверняка нет. У нас почти все молодые. Вроде меня.

В это время из машины выпрыгнул такой же молодой водитель. Вытирая руки тряпкой, он вразвалочку направился к старшине, но, увидев Георгия, подтянулся и отрапортовал по всей форме:

— Рулевые тяги отрегулированы, заедать больше не должно. Разрешите проверить на ходу?..

— Я сам проверю,— сказал старшина и обратился к Георгию:

— Извините, был бы рад помочь, но... — и, разведя руками, пошел к машине.

— Слушай, может, ты знаешь моего сына, а? — обратился Георгий к водителю. — Танкист он.

— А как его зовут? — задевая в люк, спросил водитель.

— Махарашвили... Годердзи.

— Как?

— Годердзи Махарашвили.

— Нет, такого не знаю.

— Высокий он такой, красивый.

— А мы тут, отец, все красивые,— засмеялся водитель и скрылся в люке.

Взревел мотор, машина дернулась с места и сразу смяла два куста виноградника. Георгий с изумлением смотрел на маневры машины. Танк вдруг развернулся на месте, дал задний ход, потом повернулся и пошел прямо по куштам.

— Стой! Что ты делаешь? — Георгий бросился наперерез танку, еле увернулся от него и снова забежал вперед. — Стой, тебе говорят! Стой!

Танк остановился буквально перед его носом.

— Вы что? С ума сошли? Лезете под самую машину,— набросился на него старшина, выскочив из машины.

— Я с ума сошел? Это ты с ума сошел! Посмотри, что ты наделал! — Георгий в ярости показывал на раздавленные лозы. — Ты что не видишь, это же виноградник?!

— Ну и что? Подумаешь, дело какое! — усмехнулся старшина.

Георгий с глубоким презрением посмотрел на него.

— Не понимаешь, щенок!

— Да как вы смеете? — задохнулся старшина. — Да я вас... Смирно! Смирно! Вы что не подчиняетесь команде старшего?

— Какой ты старший? Ты еще и глупый! — Презрительно покачал головой Георгий.

— Да я вас!.. Серегин, ко мне! — крикнул старшина вне себя от злости.

— Убери этого старика!.. — приказал он подбежавшему водителю. — А то я за себя не отвечаю!..

— Ну давай, папаша, давай отсюда! — Стал подталкивать Георгия водитель.

— Не трогай меня! — крикнул тот.

— Ладно-ладно, иди, пока по-хорошему просят. — И водитель толкнул старика.

Тогда Георгий, рассвирепев окончательно, отвесил ему здоровую затрепщину. Водитель покатился по земле. А Георгий, круто повернувшись, уже шел на старшину. Участь сержанта не прельщала старшину, и он попятился. Подбежало еще несколько танкистов. Они удивленно, не понимая, в чем дело, смотрели на старшину.

— Да вот привязался какой-то сумасшедший, драться лезет, — чуть не плача от стыда и злости, пробормотал старшина.

Танкисты стали наступать на Георгия.

— Что? Все на одного? Ну давай, давай сопляки! Я вас научу уважению. — Георгий скинул шинель, готовясь к драке.

Трудно сказать, чем бы все это для него кончилось, если бы на помощь ему, на ходу сбрасывая шинели, не примчались Никифоров, Коля, Гриша и еще несколько человек.

Силы сразу уравнились.

— Что тут такое? Чего вы к старику пристаёте? — грозно спросил Никифоров.

— Да кто к нему пристаёт?.. Он сам налетел на нас, человека ударил, — хмуро сказал старшина.

— А ты зачем виноградник уничтожаешь?

Ты его сажал, да? Тебе что, места мало, да? — горячился Георгий.

— Тю,— сказал какой-то танкист.— Немецкий виноградник пожалел.

— Дурак! — Тут же обернулся к нему Георгий.

— А что они у нас делали, ты не видел?

— Мало ли что они делали! Они фашисты!.. И ты, что же, с ними хочешь равняться, да? На автомат,— вдруг сунул Георгий автомат в руки танкиста.— Вон мальчик немецкий бегаёт, походи застрели его!

— Все невольно оглянулись и увидели мальчика, с любопытством наблюдавшего издали.

— Ну походи! — Совал автомат Георгий.

— Да ну тебя, скажешь тоже... Что я фашист, что ли? — смутился танкист.

— А виноград не жалко?.. Ты его только кушать привык? Ты его не поливал, не привязывал, землю не копал?.. Почему ты такой злой? Думаешь, виноград не живой? Ему не больно, да? Ты еще совсем молодой, ни одного дерева не посадил, а ломать торопишься?

— Ладно, папаша, ты тоже лишнего не хватай! Тут война, а не парк культуры.

— А что ты знаешь о войне, парень? — сурово спросил Никифоров.— Ты еще на войне штанов не износил, а отец третий автомат меняет.

— Ладно, отец, пошли! — Положив руку Георгию на плечо, Коля спросил у танкистов:— Ну что? Все ясно, ребята?

— Да чего там говорить...

— Конечно нечего!.. Зря баловать незачем...

— А силен у вас старик! — улынулся кто-то.— Как он Серегину приварил!

Улыбаются солдаты... Улыбается Серегин...

В машине Георгий сидит, низко опустив голову и закрыв ладонями лицо.

— Ты что, отец, расстроился? — Дружески подтолкнул его Никифоров.— Да плюнь ты на них. Молодые еще, озоровать хочется..

— Устал я, наверное, товарищ старший сержант,— тихо сказал Георгий.— Устал от войны... И все думаю, какой же он стал теперь, мой сын? Не ожесточилось ли навсегда его сердце?.. Война может это сделать с человеком, а он был такой добрый!..

Немецкий городок.

Беспрерывно грешат автоматные и пулеметные очереди. В воздухе со свистом то и дело проносятся фаустпатроны. К небу поднимаются столбы черного дыма, а кое-где языки пламени.

Маленькая городская площадь... Горы кирпича и камней... Оглушительный шум. От пламени огнеметов вскипает асфальт.

В самом конце площади за рекламной тумбой стоит Георгий...

Короткими очередями он строчит по окнам с выбитыми стеклами. К нему подбегает Володя. Присев рядом на корточки, он обтирает pilotкой вспотевшее лицо.

— Послушай! Ты что бегаешь?... — ворчит на него Георгий.— Или думаешь, пуля тебя не достанет?

Где-то совсем рядом рвется мина...

— Ложись! — кричит Георгий, падая на землю.

Над головой с жужжанием проносятся осколки... Подняв голову, Георгий с тревогой смотрит на неподвижного Володю. Зовет:

— Эй, Володя!.. Сынок!..

Тот быстро вскакивает:

— Что, отец?

...Снова с треском взрывается где-то мина, но теперь не так уже близко.

— Как дела, Володя? — спрашивает Георгий, не приостанавливая работу своего автомата.

— Хорошо, отец!.. Только вот... шуму многовато.

— Это ничего... Пошумят да и перестанут, — спокойно отвечает старый солдат и пускает длинную очередь все в те же окна... Потом, опустив автомат, складывает рупором ладони и кричит так, что слышит вся улица: — Э-э-эй, тише там вы! Кончайте переполох!.. Замолчите-е-е!..

И на мгновение наступает тишина... Этого никто не ждал. В недоумении Володя и Георгий переглядываются... Но вот снова откуда-то просвистела мина и взорвалась в центре площади.

Из окон вновь залаяли автоматы...

...Среди развалин укрылся Никифоров. Сосредоточенно целясь, он то и дело посылает короткие очереди из своего автомата... К нему подбегает майор с перевязанной головой.

— Товарищ старший сержант, видите это здание? — говорит он, показывая рукой на трех-

этажный дом в конце площади. — Там первые два этажа занимают немцы, а на третьем закрепились наши... Ваша задача — поддержать наших, обезвредить врага, занять весь дом... Задача ясна?

— Ясна, товарищ майор, — отвечает Никифоров. Сменив в автомате диск, он встает во весь рост и командует: — Товарищи! Вперед, за мной, ура-а-а!..

Поднимаются укрывшиеся, залегшие на площади бойцы... Обгоняя друг друга, с криком «ура» они бегут за своим сержантом к трехэтажному зданию.

Еще злее огрызаются вражеские автоматы...

Широкий вестибюль старинного дома. Из распахнутых дверей видна улица, откуда сюда ворвались Никифоров, Георгий, Коля, Володя, Гриша...

Короткой очередью Коля укладывает убегающего на второй этаж гитлеровца...

Немецкий офицер готовится выстрелить из парабеллума...

Не целясь, Георгий стреляет в него... Гитлеровец падает на шахматный пол вестибюля.

Бойцы хотят с ходу захватить и второй этаж. Но град пуль осыпает их сверху... Уже добравшийся до середины лестницы Гриша ранен и медленно сползает по ступенькам обратно...

— Кусаются собаки! — зло ворчит он. — Еще не все зубы выбиты...

Снова залегли солдаты, стреляют по лестнице вверх.

На площадке лестницы висит изрешеченное пулями огромное зеркало. И все же в нем хорошо видны притаившиеся на втором этаже гитлеровцы.

— Внимание! — кричит Никифоров. — На третьем этаже наши! Осторожнее бейте, как бы своих не перестрелять!.. Еще раз предупреждаю: на третьем этаже наши!

— Эй, ребята! — кричит вверх Володя. — Не робей!.. Я здесь!

— Ну, раз ты уже здесь, им нечего бояться, — смеется Коля.

— Эй, братцы, — доносится с третьего этажа. — Какие там у вас внизу на земле новости?

— Да на земле у нас уже весна! — отвечает Володя.

На засыпанной обломками кирпича и бетона улице появляются окрашенные в зеленый цвет агитмашины. Из установленных на них мощных репродукторов раздается голос диктора:

— Внимание!.. Внимание!.. Слушайте все!.. Во избежание напрасного кровопролития, командование Советской Армии предлагает вам, немецким солдатам и офицерам, окруженным в городе и блокированным в домах, прекратить огонь, немедленно сложить оружие, поднять белые флаги и сдаться...

Гремит бой в городе... Но, покрывая шум сражения, из десятков репродукторов звучит уверенный голос диктора, передающий ультиматум советского командования о прекращении бесполезного кровопролития.

В вестибюле трехэтажного дома звучит тот же спокойный голос:

— На обдумывание этого ультиматума, на подготовку к сдаче вам дается два часа. Все, не сдавшиеся в этот срок, будут уничтожены. Сейчас по московскому времени двадцать три часа тридцать минут, четырнадцатое апреля тысяча девятьсот сорок пятого года... С этой минуты вступил в действие ультиматум...

Голос диктора постепенно удаляется.

У лестницы залегли Георгий и Гриша.

— Интересно, а они слышат? — глядя наверх, с беспокойством спрашивает Георгий.

Ворвавшийся в окна отблеск пожара освещает вестибюль. Лица вражеских солдат, отраженные в висящем на стене лестничной площадки зеркале, кажутся неживыми.

— Прекратить огонь! — приказывает Никифоров.

— Эгей! Германия! — складывая ладони рупором, кричит вверх Георгий. — Давай кончай!.. Понимаешь, прекратить надо!..

Где-то еще стрекочет пулемет... Еще две-три короткие очереди и, наконец, воцаряется тишина.

— Шабаш! — удовлетворенно говорит Коля Горбатенко. Секунду-другую прислушивается, потом встает во весь рост и направляется к стоящему в глубине вестибюля дивану, покрытому ковром. Пробует упругость пружин и с иронией замечает: — Ох и люблю же комфорт! — Отряхивает на себе пыль и, довольный, растягивается прямо на битом кирпиче и осколках стекла, сплошняком покрывающих пол.

— Как только вернусь домой, сразу в постель и буду спать, спать и спать,— мечтает, лежащий под разрушенной стеной Гриша.

— А я думаю заранее никому не сообщать о своем приезде,— говорит Коля.— Заявлюсь как снег на голову... У нас там во дворе есть калитка... Сзади... Вот я через нее и войду. Только Нюрка, наверное, все равно увидит! Такая глазастая у меня сестренка... Все замечает.

Отдыхающие сейчас солдаты не отвечают. Каждый думает о своем, заветном. Георгий сидит, прислонившись к стене, широко раскинув ноги. Взгляд его устремлен в одну точку. Вдруг с третьего этажа доносится негромкое пение. Кто-то тихо напевает грузинскую песню...

Отдыхает после тяжелого боя Георгий. Он дремлет, прислонившись к стене. Услышав пение, медленно открывает глаза, напряженно прислушивается. Поняв, что это не сон, что действительно слышит пение, быстро встает.

А песня, старинная песня виноградарей и воинов, хоть и поет ее кто-то один, заполняет притихшее полуразрушенное здание.

— Эй, парень, ты что грузин? — По-грузински спрашивает Георгий, подняв вверх голову. От волнения у него дрожит голос.

Пение обрывается. Молодой звонкий голос весело отвечает сверху.

— Грузин, да...

— А откуда ты? — задает старик новый вопрос и, затаив дыхание, ждет ответа.

— Из Гурджаани. Я — Махарашвили...

Онемев от радости, отец не может вымолвить ни слова. И лишь через некоторое время ему удается справиться со своим душевным смятением. Подняв вверх обе руки, он кричит во весь голос:

— Годердзи, сынок!

Солдаты, с любопытством наблюдавшие за Георгием, встают. Они тоже взволнованы. Ждут, что будет дальше.

Георгий бежит к лестнице.

Останавливается.

— Годердзи!..

— Отец, это ты?

— Я, сынок, я!.. — Он оглядывается. Не знает, как быть, что сделать, чтобы добраться до сына.

— Осторожно, отец! — предупреждает его Никифоров.

— Наконец-то я встретил тебя! — Ничего не слыша от радости, размахивает руками Георгий. — Я так и знал... чувствовал... И вот... встретил все же тебя!..

Оставив свои укрытия, к нему подходят солдаты... Им непонятна грузинская речь, но интонация и жесты Георгия предельно ясны, и в вестибюле нет человека, который не разделял бы радости старого отца... Георгий оборачивается к солдатам:

— Понимаете, какое дело... там... сын... там мой Годердзи... сын там!.. — с трудом произнося слова, сообщает он солдатам.

— Как ты здесь оказался, отец? — слышится сверху голос Годердзи.

— Все расскажу, сынок, все!.. А ты где был?.. Где пропал?.. Сколько же я искал тебя!

— О-о! Где только я не был, отец!..

Словно обезумевший, Георгий мечется под лестницей, не находя себе места.

— Отец, я по шагам узнаю тебя!

По интонации, с какой говорит Годердзи, можно понять, что он улыбается. Остановившись, Георгий со счастливой улыбкой качает головой. Смотрит вверх. В его глазах любовь и нежность.

— Отец! — зовет Годердзи.

— Да, сынок!

— Как мать? Что пишет?

— Пишет, что хорошо... что все хорошо...

И снова какое-то время отец и сын молчат. Георгий не спускает глаз с лестницы — смотрит наверх. Но долго молчать он не может. Спрашивает:

— А где твой танк?

— Подбили его, — отвечает Годердзи. — Снаряд угодил прямо в радиатор... Перед этим вот домом...

— Ну, это ничего! — беззаботно замечает отец. — На что тебе танк! Скоро конец войне. Долго ли еще, а?

Сверкает молния... Гремит глухой весенний гром... Тихий шорох дождя... Никифоров смотрит на часы.

— На размышление им осталось всего полчаса, — говорит он.

На повороте лестницы в зеркале по-прежнему отражаются притаившиеся на втором этаже немцы.

— Развалились увальни! — ворчит Коля. — Человек к сыну не может подойти!

На бетонный пол падают звонкие капли дождя. У лестницы сидит Георгий. Смотрит вверх. Лицо у него счастливое, а в глазах тревожное ожидание.

— Отец! — доносится голос Годердзи.

— Осторожнее, сынок! — предупреждает Георгий. — Сиди там. Уже немного осталось ждать!.. Стой, не двигайся!

Верет у Гриши кiset, старается свернуть себе сигарку, но от волнения у него ничего не получается.

— Давай я...

Отобрав кiset, Гриша сворачивает сигарку и, закурив, подает Георгию.

Неумело затягиваясь, Георгий вытирает на лице дождевые капли... Нетерпеливо смотрит наверх.

...За разрушенными домами видно зарево. Копоть от пожарища летит по городу. Моросит дождь.

— Интересно, как на Алазани сейчас у нас, — слышен сверху голос Годердзи. — Наверное, там тоже идут дожди...

— А что лучше майского дождя, — мечтательно говорит Георгий. — Виноградники расцветут... И для полей лекарство.

— А как наш виноградник, отец?

— Твоя лоза оказалась очень урожайной... И вино из нее отменное получается. — Задумывается. Его лицо делается озабоченным. — Работы сейчас там по горло... — деловито замечает он.

Откуда-то издалека доносится взрыв.

На улице затарахтели автоматы. А вот и вблизи прошипел тяжелый снаряд... и сразу же раздался грохот...

Крупно в кадре: напряженное лицо Георгия.

— Годердзи! — кричит он.

— Что, отец?

— Ничего, сынок, ничего! — успокаивается отец.

— Опять начали! — зло цедит сквозь зубы Никифоров и ложится.

Раздается близкий взрыв. От стены отлетает штукатурка.

— Отец! — зовет Годердзи.

— Да, сынок!

— Махарашвили, ложись! — кричит Никифоров.

Слышно, как на третий этаж со свистом влезают с улицы мины и одна за другой взрываются.

— Годердзи! — осторожно зовет Георгий.

Ответа не слышно. Только с шумом сыплется сверху штукатурка.

— Годердзи, — громче повторяет Георгий.

Опять никакого ответа... Перестает осыпаться и штукатурка...

Тишина.

Укрывшиеся в развалинах солдаты поднимаются. Они тоже с волнением смотрят наверх... ждут ответа...

Старший сержант Никифоров поднимает автомат, снимает с ремня ручную гранату и вдруг охрипшим голосом говорит:

— Спокойно, Георгий Степаныч... Спокойно, отец, не волнуйся.

Георгий стоит словно вкопанный. И вдруг с тоской кричит:

— Годердзи, сынок! — От его крика дрожат стены.

В ответ — ни звука. Забыв обо всем на свете, ничего не видя вокруг, Георгий срывается с места. Но его опережает старший сержант Никифоров.

— Мать вашу!.. — в гневе цедит он сквозь зубы и бросается вверх по лестнице.

Взбежав на площадку, Никифоров бросает на второй этаж гранату... Еще не стих взрыв, как все бойцы двинулись по лестнице вслед за Георгием и Никифоровым, на ходу стреляя по второму этажу. Наверху тоже послышались выстрелы.

Бежавший со всеми по лестнице молодой солдат тяжело опускается на ступени...

Несколькими прыжками Георгий одолевает лестницу. Не задерживаясь на втором этаже, охваченный тревогой, бежит Георгий Махарашвили наверх... Добирается до третьего этажа. В дыму и пыли, как слепой, выставив вперед руки, он с трудом пробирается по развалинам. Громко зовет:

— Годердзи!

...У разбитой стены Георгий ощупью находит сына. Осторожно переворачивает его на спину.

...Горопливо бегут по лестнице Никифоров и

молодые солдаты... Вздогают... Останавливают- ся рядом с Георгием.

Постепенно смолкают взрывы... стихает стрельба...

Дрожащей рукой Георгий ощупывает тело, голову, лицо сына... С тоской умоляет:

— Сынок, что с тобой? Годердзи! Посмотри на меня... Не бойся... я здесь... я с тобой!..

Годердзи медленно открывает глаза, в кото- рых уже мерцает смертельный холодок.

— Отец...— шепчут его похолодевшие губы, но он все же пытается подняться.

— Годердзи!.. Малый, ты что испугался?..— Георгий старается улыбнуться сыну.

Молодое, стройное, сильное тело Годердзи вдруг обмякло и сын повис на руках отца...

По улицам мчатся танки... Ревут сирены...

Из разрушенных домов с поднятыми руками выходят гитлеровские солдаты.

А на третьем этаже дома без крыши, с раз- рушенными стенами, склонился над умершим сыном Георгий Махарашвили. Рядом с ним молчаливо стоят солдаты с закопченными поро- ховым дымом лицами...

Годердзи смотрит на отца широко открытыми глазами. Георгий закрывает сыну глаза и боль- шой грубой ладонью ласково поправляет его курчавые волосы.

— Как ты вырос, сынок мой!.. Какой стал большой!..—шепчет он. Его широкие сильные плечи содрогаются, словно в лихорадке.

Стоящие рядом с Георгием солдаты снимают стальные каски.

Георгий поднимает голову, и мы видим — за эти несколько тяжелых минут он постарел на несколько лет.

...Смолкли звуки боя. Повсюду — в окнах, в дверях, на балконах — развеваются белые флаги... В городе воцарилась тишина.

— Что сказать твоей матери, сынок?! — глу- хо спрашивает Георгий. Его душат слезы.

Солнечный весенний день. На дороге лежат резкие тени деревьев.

Колонна солдат направляется на запад. В пе- редних рядах шагает убеленный сединой сол- дат Георгий Махарашвили. Автомат перекинут за спину, пилотка сдвинута на затылок. Шагая чуть сгорбившись, он курит, глубоко затяги- ваясь. Из-под густых нахмуренных бровей за- думчиво смотрит на зеленеющее поле... Он знает — сейчас пора цветения виноградных лоз...

...Шагает Георгий Махарашвили по чужой земле, под весенним солнцем, и ему чудится, что он слышит песню, которую еще так недав- но пел Годердзи.... И вот Годердзи уже нет среди живых, а песня осталась... песня бес- смертна, как бессмертен народ!

...Колонна остановилась у реки. Мост был разведен, и его половина возвышалась перед солдатами, как гранитная пирамида. Георгий поднял глаза и вздрогнул. Огромными буквами на мосту выведена надпись.

«Первыми здесь прошли танки Героя Советского Союза старшего лейтенанта Махара­швили»...

Стоял Георгий в первом ряду солдатской колонны и внимательно читал надпись на мосту. Вместе с ним читали надпись и солда­ты, неподвижно замершие рядом...

Стояли артиллерийские орудия...

Стояли бронетранспортеры...

И бойцы всех видов оружия читали надпись о сыне Георгия. А мост опускался медленно и долго, словно это был торжественный ритуал.

С высоко поднятой головой стоял перед мос­том старый Георгий Махарашвили. На его лице играли лучи весеннего солнца, а в ушах зве­нела старинная боевая песня, которую поют крестьяне его родины...

Мост соединили, и колонна двинулась даль­ше. За ней потянулись орудия, танки, броне­транспортеры...

...Шли на запад советские воины, и среди них по пыльной фронтовой дороге шагал ста­рый солдат Георгий Махарашвили — скорбный, но сильный, гордый и смелый солдат, которого и большое личное горе не могло сломить!

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

По киносценарию Сулико Жгенти «Отец солдата» студией «Грузия-фильм» в 1964 году был поставлен фильм того же названия.

Режиссер-постановщик — Резо Чхеидзе. Опера­торы — Лев Сухов, Арчил Филипашвили. Художники — Зураб Медзмариашвили, Ника Казбеги. Композитор — Сулхан Цинцадзе. Звукооператор — Д. Ломидзе.

Комбинированные съемки: оператор — О. Магакия, художник — Р. Вапшадзе.

В ролях: С. Закариадзе, В. Привальцев, А. Наза­ров, А. Лебедев, В. Колокольцев, Ю. Дроздов, И. Кос­сых, Витя Коссых, В. Уральский, К. Бочоришвили, В. Пицек, П. Любешкин, Т. Сапожникова, И. Бармин.

На IV Международном кинофестивале в Москве в 1965 году исполнителю главной роли Серго Зака­риадзе присуждена премия «За лучшую мужскую роль».

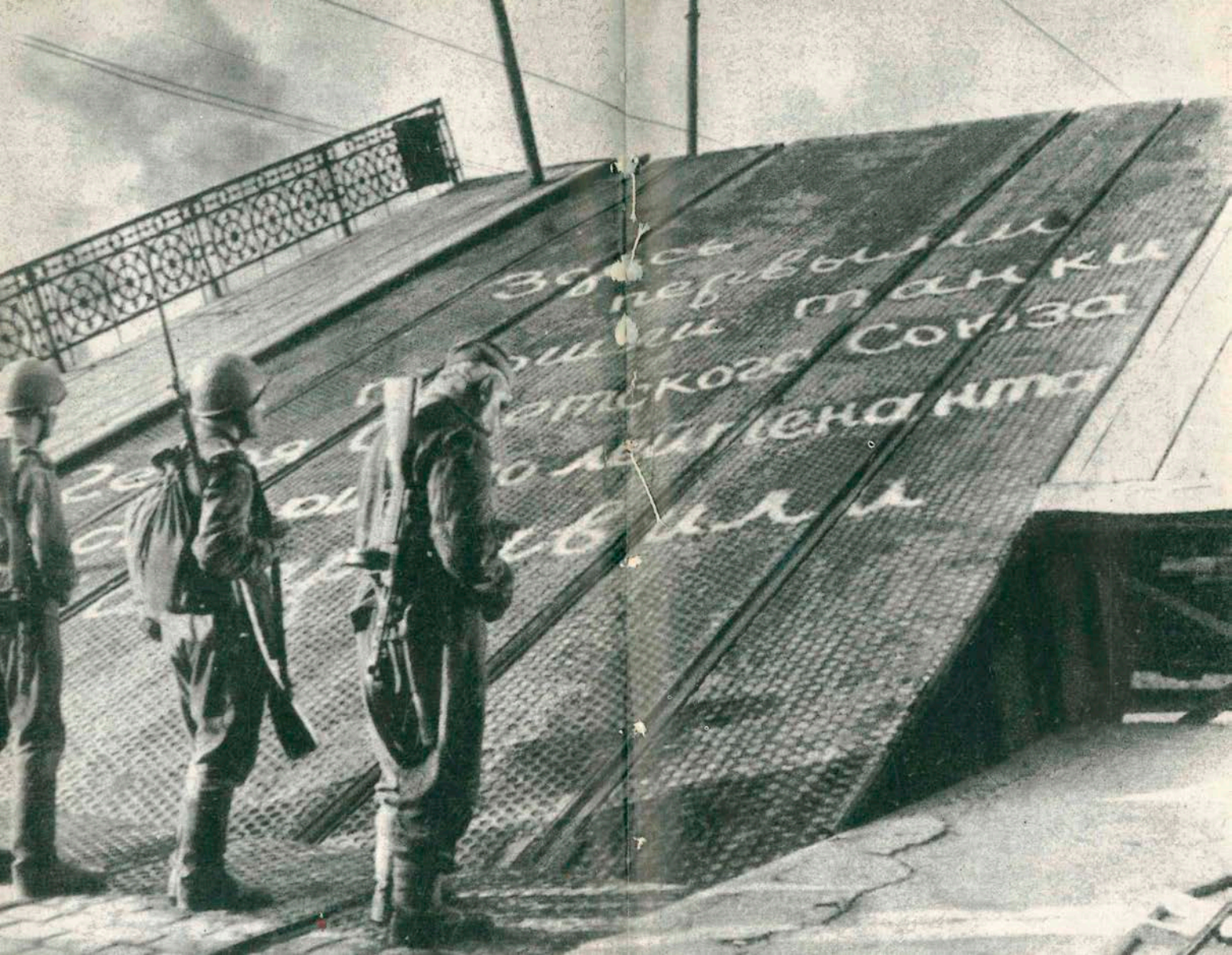
КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

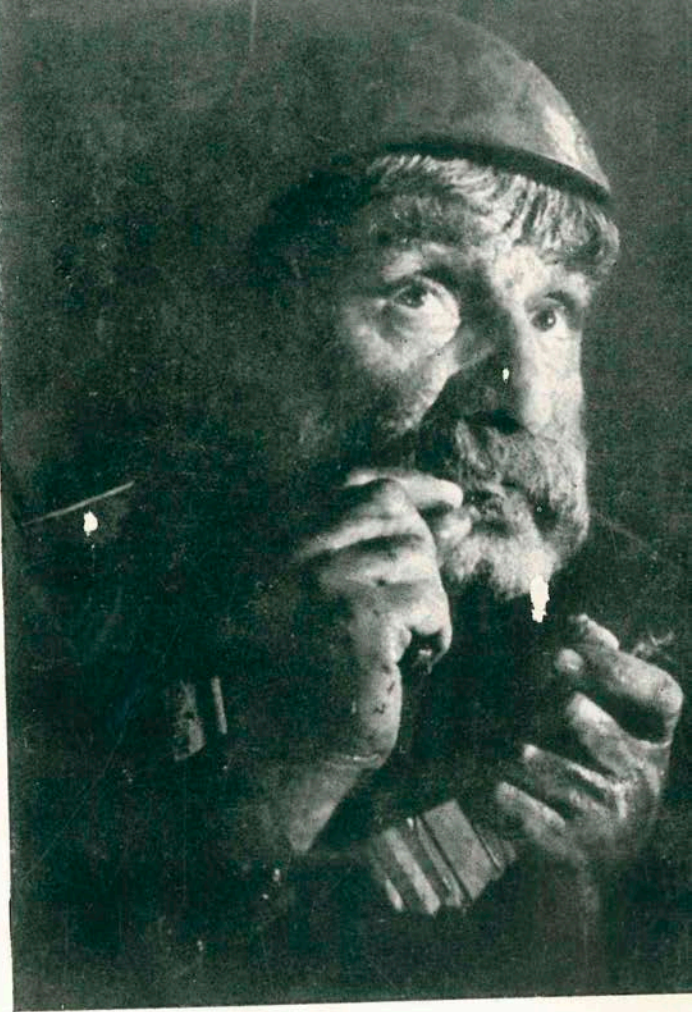

Сулико Жгенти
ОТЕЦ СОЛДАТА

М., «Искусство». 1965 г.,
84 стр. Ж41

Редактор А. Г. НАЗАРОВА

Оформление художника
Ю. И. БАТОВА

Художественный редактор
В. Д. КАРАНДАШОВ

Технический редактор
Г. П. ДАВИДОК

Корректор
Г. Г. ХАРИТОНОВА

Сдано в набор 7/VII—1965 г.

Подп. в печ. 14/VIII—1965 г.

Форм. бум. 70×90^{1/32}.

3 печ. л.

(условных 3,51) Уч.-издат.

л. 3,38. Тираж 9000 экз.

A11749 Изд. № 15623.

Зак. тип. № 335. Цена 19 коп.

«Искусство», Москва, И-51,

Цветной бульвар, 25

Московская типография № 20

Главполиграфпрома

Государственного комитета

Совета Министров СССР

по печати

1-й Рижский пер., д. 2

